

Л А Й З А
Д Ж У Э Л Л

*Я наблюдаю
за тобой*

Интригующий, умный,
неожиданный роман.

NEW YORK TIMES

Лайза Джуэлл
Я наблюдаю за тобой
Серия «Романы о сильных чувствах»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50530883
Я наблюдаю за тобой: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-108236-9

Аннотация

Мелвиллские высоты – расположенный на холме живописный район Бристоля. Это не то место, где людей жестоко убивают в их собственном доме. Но это именно то место, где у каждого жителя есть особенный, жуткий секрет.

Содержание

Пролог	6
I	8
– 1 –	8
– 2 –	17
– 3 –	20
– 4 –	27
– 5 –	31
– 6 –	36
– 7 –	41
– 8 –	46
– 9 –	48
– 10 –	51
– 11 –	56
– 12 –	61
– 13 –	69
– 14 –	73
– 15 –	77
– 16 –	81
– 17 –	83
– 18 –	93
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Лайза Джуэлл

Я наблюдаю за тобой

© 2018 by Lisa Jewell

© Хохлова Ю., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Мой дневник

20 сентября 1996 года

Не знаю, что и думать. Я в замешательстве.

Это вообще нормально? Он взрослый,
вдвое меня старше.

У нас нет будущего...

Конечно, у нас нет будущего.

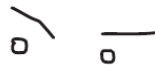
БОЖЕ МОЙ

Как бы мне хотелось, чтобы мы были вместе.

Дорогой дневник,

кажется, я влюбилась

в препода по английскому.

OMG!

Пролог

24 марта

Детектив Роуз Пэлем опускается на колени: за кухонной дверью, рядом с мусорным ведром, лежит какой-то предмет. Окровавленный платок или бинт, а может, увядший цветок. Приглядевшись, Роуз понимает: это бахрома. Красная замшевая бахрома с сумки или сапога.

Бахрома валяется в лужице крови – видимо, оторвалась в момент убийства. Роуз фотографирует ее с разных углов, затем помещает в пластиковый пакет для вещдоков.

Место преступления – неприбранная кухня, обставленная старомодной сосновой мебелью. На плите громоздятся кастрюли и сковородки, большой деревянный стол завален салфетками, учебниками, газетами и бельем, приготовленным для глажки. В боковой пристройке, крытой дешевой стеклянной крышей, – рабочая зона: ноутбук, принтер, шреддер, настольная лампа.

Безобидная, ничем не примечательная кухня, каких миллионы по всей стране. Здесь пьют кофе, делают домашние задания, завтракают, читают газеты. В такой кухне нет места мрачным тайнам, преступлениям на почве ревности, убийству.

Тем не менее на полу распростерто мертвое тело в луже крови. В раковине – нож, тщательно протертый мыль-

ной губкой. Убийца явно находился в состоянии аффекта: на шее, спине и плечах жертвы двадцать ножевых ранений. Однако в остальной части кухни крови нет – ни следов пальцев, ни брызг, ни пятен. Значит, нападение произошло неожиданно и жертва не успела оказать сопротивление.

Роуз достает из кармана пиджака маркер и надписывает пакет с бахромой.

Описание: «Красная бахрома из замши/искусственной замши».

Место: «Перед холодильником, за дверью, ведущей из коридора».

Дата и время обнаружения: «24 марта 2017 года, пятница, 11 часов 48 минут».

Может быть, это несущественная мелочь, украшение дамской сумки. Однако в криминалистике мелочей не бывает.

Зачастую одна мелкая деталь проливает свет на всю картину.

I

Тремя месяцами ранее

– 1 –

2 января

Джоуи Маллен положила на плиту букет цветов, провела пальцем по буквам, вырезанным в розовом граните.

САРА ДЖЕЙН МАЛЛЕН

1962–2016

ЛЮБИМАЯ МАТЬ ДЖЕКА И ДЖОЗЕФИНЫ

– С Новым годом, мама. Прости, что вчера не пришла, мы с Альфи умирали от похмелья. Праздновали во Френчее, у Кэнди, в ее новой квартире. Помнишь Кэнди Бойд? Блондинка с длиннющими волосами, моя одноклассница. Ты хорошо к ней относилась, потому что она всегда с тобой здоровалась. В общем, у Кэнди все в порядке, она физиотерапевт или мануальный терапевт, точно не помню. Когда я сказала ей, что ты умерла, она расплакалась. Кому из подруг ни скажу, все плачут. Они очень тебя любили и вечно завидовали, что у меня такая мама. Не стоило мне уезжать так надолго. Если бы я знала, как все сложится, вообще никуда бы не поехала. Жаль, ты не успела познакомиться с Альфи. Он

просто прелесть. Работает в винном баре, но мечтает стать художником-оформителем. Сейчас он у мамы, красит кухню. По крайней мере, собирался красить. Мамаша наверняка усадила его на диван смотреть телик, а он и рад побездельничать. Альфи вообще дикий канительщик, фиг заставишь раскачаться. Но все равно он тебе понравился бы. Он прикольный и милый, очень меня любит и хорошо со мной обращается. Знаю, в свое время я доставила кучу неприятностей. Прости. Жаль, ты не видишь, какая я стала. Я взрослею, мама. Наконец-то взрослею.

Джоуи вздохнула.

– Ладно, мне пора. Уже темнеет, страшно становится. Я тебя люблю, мама, и очень скучаю. Была бы ты жива, я бы заскочила в гости, попили бы чайку, посплетничали, перемыли косточки Джеку и Ребекке. Я рассказала бы про золоченые смесители. Хочешь, сейчас расскажу? Нет, давай лучше в следующий раз. Теперь будешь меня ждать. Сладких снов, мама. Люблю тебя.

Джоуи поднялась по крутой дорожке, ведущей из Нижнего Мелвилла в поселок на холме. Даже в белесых январских сумерках снизу хорошо просматривались дома «Мелвиллских высот», похожие на детские кубики: красный, желтый, бирюзовый, фиолетовый, салатový, серо-зеленый, ярко-розовый, снова красный. Они удобно расположились на склоне холма, глядя с верхотуры на узкие улочки Нижнего

Мелвилла, словно гости на частной вечеринке, куда посторонним хода нет.

«Статусные» – вот как говорят про эти дома: «статусные виллы в «Мелвиллских высотах»». Двадцать семь разноцветных особняков в викторианском стиле. Большую часть жизни Джоуи любовалась ими на расстоянии. Если ехать на машине, яркие коттеджи на холме служили знаком, что до дома осталось минут двадцать. Они провожали ее на работу и встречали по пути домой. Однажды, в студенческие годы, Джоуи пригласили на вечеринку в розовый особняк. Безжалостно поделенный на комнаты, сдаваемые в аренду, пахнувший сыростью и жареным фаршем, вблизи он оказался вовсе не таким ярко-розовым. Зато виды оттуда великолепные: река Эйвон, живописно изгибаясь, несет свои воды в сторону города, на другом берегу лоскутным одеялом раскинулись поля, а вдалеке высится холм, увенчанный короной из деревьев, каждую весну покрывающихся жизнерадостной зеленью.

Джоуи с детства мечтала жить в этом поселке, только никак не могла определиться с цветом дома: фиолетовый или розовый. С возрастом ее предпочтения изменились: либо небесно-голубой, либо серо-зеленый. Теперь ей двадцать шесть лет, и она живет в кобальтово-синем под номером четырнадцать. Личных заслуг Джоуи в этом нет: она просто пользуется щедрыми плодами упорного труда брата.

Джек, на десять лет старше Джоуи, – главный кардиохи-

руг в центральной больнице Бристолья, один из самых молодых в графстве. Два года назад он женился; Ребекка симпатичная, только какая-то дерганая и совсем без чувства юмора. Джоуи считала, что ее любимому брату подойдет веселая трезвомыслящая медсестра или жизнерадостная детская докторша, однако он неожиданно выбрал до тошноты положительную девушку – системного аналитика из Стафффордшира.

Десять месяцев назад они купили кобальтово-синий дом, пока Джоуи дурью маялась на Балеарских островах, подрабатывая на пенных вечеринках. Она даже не поняла, что речь об одном из особняков в «Мелвиллских высотах», пока Джек ее туда не привез. Это было три месяца назад, Джоуи только вернулась в Бристоль.

– Ну ты даешь! Купил цветной дом и ничего не сказал!

– Ты не спрашивала, – возразил Джек. – В любом случае я тут ни при чем. Ребекка буквально уломала хозяйку продать его нам. Дескать, это единственный дом в Бристолье, где она хочет жить.

– Просто нет слов. – Джоуи окинула взглядом изысканный интерьер в серо-коричневых, сине-зеленых и медно-красных тонах. – В жизни не видела дома лучше.

– Рад, что тебе нравится. Вообще-то, мы с Ребеккой хотели предложить вам с Альфи пожить некоторое время с нами. Пока у вас все не наладится.

– Боже мой, – ахнула Джоуи, – ты серьезно? Правда?

– Ну конечно. – Джек взял ее за руку. – Пойдем, покажу тебе чердак. Там все полностью обустроено, отличное гнездышко для молодоженов. – Он ткнул ее в бок и усмехнулся.

Джоуи усмехнулась в ответ. Ей самой не верилось, что она вернулась с Ибицы замужней женщиной.

Мужа Джоуи зовут Альфи Баттер, и он – настоящий красавец, пожалуй, даже чересчур красивый для нее. По крайней мере, так ей грезилось в бирюзовом мареве южных ночей. В серо-стальном сумраке бристольской зимы небесно-голубые глаза оказались просто голубыми, золотисто-каштановые кудри – рыжими, а роскошный загар – солнечным ожогом. Выяснилось, что Альфи – обычный парень.

Они поженились босиком, на пляже. Джоуи была в розовом шифоновом платье на бретельках, с букетом розовых и желто-зеленых лантан, Альфи – в белой футболке, розовых шортах и с белым цветком бугенвиллеи в волосах. Брак засвидетельствовали менеджеры отеля, в котором они работали. Молодожены поужинали на террасе с друзьями, приняли по паре таблеток, танцевали до восхода, провели весь день в постели и лишь после этого позвонили родным рассказать, что натворили.

Будь мама жива, она бы настояла на традиционной свадьбе. Однако ее больше нет, а папа Джоуи не из тех, кто интересуется свадьбами и летает на Ибицу. И вообще, родители сами тайно поженились в Гретна-Грин, когда мама была четыре месяца беременна Джеком.

– Что ж, – сказал ей брат, и в его голосе прозвучала нотка облегчения, – видимо, это семейное.

– Привет, – поздоровалась Джоуи в коридоре, проверяя, дома ли невестка. Ребекка все уши прожужжала, как счастлива поселить парочку влюбленных голубков в безукоризненно чистой, свежееотремонтированной гостевой комнате: «Замечательно, у нас как раз есть для вас место! Здорово, что вы будете жить с нами! Просто великолепно!» Однако ее поведение говорит об обратном. Она вечно прячется от Джоуи и Альфи. Даже сейчас не показывается на глаза, притворяясь, будто что-то переставляет в огромной кладовой.

– О, привет! – Ребекка с наигранным удивлением обернулась, держа в руках банку с тертым хреном. – Я не слышала, как ты вошла.

Джоуи лучезарно улыбнулась. Все она прекрасно слышала. На кухонном столе дымится кружка с горячим чаем, рядом – недоеденные суши из супермаркета и недочитанная газета. Нетрудно представить: заслышав щелчок замка, Ребекка Маллен вздрагивает, ищет, куда бы спрятаться, бежит в кладовую и хватает случайно подвернувшуюся банку с хреном.

– Я поздоровалась. Извини, если напугала.

– Ничего, все в порядке. Я просто... – Ребекка неопределенно махнула в сторону кладовой.

– Вьешь гнездо?

– Да, точно! – подхватила она. – Именно так. Вью гнездо.

Обе опустили глаза на ее округлившийся живот. Через четыре месяца, то есть примерно первого мая, у Джека и Ребекки появится дочка, а у Джоуи – племянница. Собственно, одна из причин, по которой Ребекка согласилась поселить их с Альфи в гостевой комнате на чердаке, заключается в том, что Джоуи – дипломированная детская медсестра. Правда, она с восемнадцати лет не прикасалась к младенцам, но все необходимые навыки у нее есть. Например, чисто теоретически – поменять подгузник за сорок восемь секунд.

На дубовой лестнице, ведущей на чердак, есть витражное окно. Джоуи любит смотреть в него, прижимаясь носом к незакрашенным стеклам. Вот здорово: отсюда всех видно, а тебя – нет. Занимается утро; в это время года еще темно. Деревья на другом берегу реки стоят голые и какие-то нелепые.

Блестящая черная машина съехала с шоссе и стала подниматься по крутому склону. Чужие сюда не ездят: только жильцы и их гости. Джоуи задержалась у окна, чтобы посмотреть, кто пожаловал. Автомобиль остановился на другой стороне улицы. Открылась пассажирская дверь, оттуда вышла сухощавая женщина немного за тридцать в толстовке и джинсах, с каштановыми волосами до плеч. С заднего сиденья выбрался подросток лет четырнадцати – точная копия женщины, наверное, сын. С водительского места вышел довольно красивый немолодой мужчина, высокий и длинно-

ногий, в мятой небесно-голубой рубашке и синих джинсах. Темные волосы коротко подстрижены, на висках серебрится седина. Он без видимых усилий вынул из багажника два чемодана, вручил один сыну, отдал жене спортивную сумку и ворох курток, и они вместе направились к желтому дому.

Джоуи отошла от окна. Образ привлекательного мужчины, вернувшегося с семьей с рождественских каникул, почти сразу стерся из ее памяти.

СТЕНОГРАММА ДОПРОСА,

ЧАСТЬ 1

Дата: 25/03/17

Место: полицейский участок Тринити-Роуд, Бристоль, БС2 0НВ

Допрос проводят офицеры полиции Сомерсета и Эйвона

ПОЛИЦИЯ: В ходе допроса ведется аудиозапись. Я – детектив Роуз Пэлем из полицейского участка Тринити-Роуд, работаю совместно с группой следователей и криминалистов. Пожалуйста, назовите свое полное имя.

ДМ: Джозефина Луиза Маллен.

ПОЛИЦИЯ: Ваш адрес?

ДМ: Мелвиллские высоты, дом 14, Бристоль, БС12 2ГГ.

ПОЛИЦИЯ: Спасибо. В каких отношениях вы находитесь с Томом Фицуильямом?

ДМ: Он живет через дом от нас. Пару раз подбрасывал меня до работы. Когда встречались на улице, разговаривали. Он знаком с моим братом и его женой.

ПОЛИЦИЯ: Спасибо. Где вы были вчера с семи до девяти вечера?

ДМ: В отеле «Бристоль харбор».

ПОЛИЦИЯ: Вы находились там одна?

ДМ: Большую часть времени.

ПОЛИЦИЯ: Большую часть времени? Кто еще был с вами?

ДМ: [молчит]

ПОЛИЦИЯ: Мисс Маллен, скажите, кто был с вами в отеле «Бристоль харбор»?

ДМ: Он зашел всего на несколько минут. Между нами ничего не было... Мы просто...

ПОЛИЦИЯ: Мисс Маллен, пожалуйста, назовите имя этого человека.

ДМ: Том... Том Фицуильям.

6 января

Несколько дней спустя Джоуи снова увидела Тома Фицу-ильяма, на этот раз в поселке. Разговаривая по мобильному, он вышел из книжного магазина, попрощался с собеседником, ткнул пальцем в экран, положил телефон в карман пиджака. Затем повернул налево, и Джоуи разглядела его как следует. На губах Тома играла улыбка, от которой лицо казалось совсем другим. Ветер взъерошил тронутые сединой волосы, Том пригладил их рукой. Улыбка превратилась в гримасу, лицо вновь изменилось: губы плотно сжались, лоб прорезали морщины. Он тряхнул головой и решительно направился к черной машине, припаркованной на другой стороне улицы. Пискнула сигнализация, моргнули фары, длинные ноги мелькнули и скрылись в глубине салона. Все, исчез.

Однако образ Тома еще некоторое время не выходил у Джоуи из головы.

Джоуи влюбилась в Альфи с первого взгляда. Несколько месяцев она наблюдала за ним на курорте, по крупицам выискивая информацию. Никто не знал, откуда он родом. То ли писатель, то ли бывший военный. Его длинные темно-рыжие волосы были собраны в хвост или в пучок на макушке. По мускулистому телу шли татуировки: вверх по торсу под-

нималась вьющаяся роза, плечи венчала пара крыльев. Альфи часто носил с собой гитару и редко надевал рубашку, когда не работал. Для каждого у него находилась улыбка, шутка или подначка.

Альфи Баттер казался Джоуи сверхъестественным, потусторонним существом; наедине с собой она придумывала, как заговорить с ним, если их пути вдруг пересекутся. И вот однажды он подошел к ней возле прачечной, обжег взглядом небесно-голубых глаз, улыбнулся и спросил:

– Ты ведь Джоуи, да?

– Да, – сказала она, – я Джоуи.

– Говорят, ты из Бристоля. Правда?

– Правда, – ответила она.

– Откуда именно?

– Из Френчея.

Альфи торжествующе вскинул руку.

– Я так и знал! Прямо как чувствовал. Мне сказали, ты из Бристоля, и я сразу подумал: «Не иначе из Френчея». Я тоже из Френчея.

Вот это да, удивилась она, ничего себе. Мир тесен.

В результате Альфи оказался ни сверхъестественным, ни потусторонним существом, ни поэтом, ни солдатом. Он не так уж здорово играл на гитаре, зато был поразительно хорош и ласков в постели.

Через две недели после их первой встречи Альфи вытатуировал имя Джоуи на лодыжке: мол, у него еще ни с кем

такого не было. Когда они гуляли, он обнимал тяжелой рукой Джоуи за плечи, а если она проходила мимо, усаживал к себе на колени. Альфи поклялся пойти за ней хоть на край света, а когда после смерти матери Джоуи захотела вернуться домой, поехал с ней в Бристоль. Через две недели после похорон он сделал ей предложение, а еще через две недели они поженились.

Но что, если недостижимая мечта вдруг стала явью? Как быть дальше? Наверное, есть какое-то специальное слово для этого состояния. Со сбывшимися желаниями всегда так: после них в душе образуется дыра, которую можно заполнить лишь новыми мечтами и фантазиями. Видимо, в этом и заключалась причина неожиданной и пылкой влюбленности Джоуи в Тома Фицуильяма. Он появился как раз в тот момент, когда ей понадобилось заполнить пустоту в ее внутреннем мире.

Если бы не он, подвернулся бы кто-нибудь другой.

23 января

Тому Фицуильяму пятьдесят один год. По словам Джека, он «очень-очень приятный человек».

Джоуи не спрашивала у брата его мнения; он сам сказал, просто к слову пришлось.

– Взгляни-ка. – Джек продемонстрировал ей заметку в газете: местная школа получила какую-то награду. – Это наш сосед, живет через дом. – Он ткнул пальцем в фотографию. – Том Фицуильям. Очень-очень приятный человек.

Держа в одной руке неумытую кастрюлю, а в другой – мыльную губку, Джоуи заглянула Джеку через плечо.

– Кажется, я его видела. У него черная машина?

– Да, верно. Том – директор местной школы. «Супердиректор». – Джек показал пальцами кавычки. – При предыдущем начальстве школа не прошла проверку, а при нем даже что-то выиграла, и теперь он – всеобщий любимец.

– Здорово, – отозвалась Джоуи. – Ты его знаешь?

– Немного. Пока мы делали ремонт, они с женой очень нам помогли: присылали эсэмэски, как продвигаются работы, и успокаивали злобных соседей, которые точили на нас зуб из-за пыли и шума. Хорошие люди.

Джоуи пожала плечами. Джек всех считает хорошими.

– Кстати, – брат закрыл газету, – как прошло собеседова-

ние?

Джоуи повесила кухонное полотенце на край раковины.
– Нормально.

Она подала резюме в «Мелвилл», знаменитый бутик-отель, на вакансию «руководитель службы приема и размещения гостей». Элегантная дама, проводившая собеседование, с первой же минуты поняла, что Джоуи ей не подходит, а та даже не попыталась убедить ее в обратном.

– Должность пафосная, а на самом деле им нужен обычный администратор, – сказала Джоуи, стараясь не смотреть на брата. – Плюс четыре ночные смены в неделю. Нет уж, спасибо.

Джек в очередной раз убедился: его младшая сестра – полное ничтожество. На самом деле Джоуи очень хотела получить эту работу: красивый отель, адекватный владелец, да и платят неплохо. Беда в том, что ей просто не под силу представить, как это – каждый день ходить на работу. *Чего греха таить, я сама во всем виновата. Мне почти двадцать семь, через три года стукнет тридцать, я замужем, но по-прежнему чувствую себя ребенком.*

– Понятно, – заметил Джек, рассеянно листая газету. – Не переживай, рано или поздно обязательно подвернется что-нибудь подходящее.

– А то как же, – неискренне отозвалась Джоуи, а потом добавила: – Джек, ничего, что мы с Альфи живем с вами? Мы действительно вас не напрягаем?

Джек шутливо закатил глаза.

– Ну сколько еще мне повторять? Я рад и тебе, и Альфи.

Никаких проблем.

– А Ребекка? Как считаешь, она не жалеет, что пригласила нас?

– Не жалеет, и я не жалею. Все в порядке.

– Точно?

– Да, Джоуи, точно.

Через три дня Джоуи нашла работу. Полный отстой, но уж что подвернулось: организатор праздников в задрипанном детском клубе «Чики-дрики». Униформа – кислотно-желтая рубашка поло и красные треники. Оплата приемлемая, рабочий график сносный. Начальница – мужеподобная бритоголовая лесбиянка по имени Дон; Джоуи сразу ей приглянулась. Конечно, могло быть и хуже. Ненамного.

Все сотрудники «Чики-дрики» проводят первую неделю в зале. «Чтобы работать в офисе, нужно пройти боевое крещение – отдраить туалеты после дня рождения с участием тридцативосьмилетних пацанов», – с мрачной усмешкой поведала Дон.

– Вряд ли это менее приятно, чем отмывать бар от рвоты, колы и «Ягербомба»¹ после четырнадцатичасового маль-

¹ «Ягербомб» – коктейль, популярный на вечеринках, состоит из одной порции (40 мг) ликера «Ягермайстер» и половины банки (120 мл) энергетического напитка «Ред Булл». Рюмку с ликером ставят внутрь стакана с «Ред Булл», а затем пьют содержимое стакана и рюмки одновременно, благодаря чему напитки

чишника, – сказала Джоуи.

– Пожалуй, – согласилась Дон. – Сможешь приступить завтра?

На обратном пути Джоуи зашла в уютный бар отеля «Мелвилл» и заказала двойной джин с тоником. Вообще-то, для джина с тоником было рановато: мужчина за соседним столиком еще завтракал. Надо же как-то отпраздновать, подумала Джоуи. Хотя какой там праздник: на самом деле ей срочно требовалось приглушить ужас и отвращение к себе.

«Чики-дрики».

Бетонная коробка без окон, внутри шум и вонь. Не клуб, а сущий ад: разлитые напитки, детские истерики, минимум раз в день кто-нибудь обязательно нагадит в бассейн с шариками. Джоуи передернуло; она как следует глотнула джина. Завтракающий мужчина с любопытством посмотрел на нее. Джоуи ответила надменным взглядом.

Отсюда хорошо видны разноцветные дома: кобальтово-синий – Джека и Ребекки, канареечно-желтый – Тома Фицуильяма. Там, наверху, – другой мир. *Заповедник*. А вот Джоуи, организатор праздников в детском клубе. *И как меня сюда занесло?*

Джоуи взглянула на свои обкусанные ногти, стоптанные кеды, поношенные брюки, устыдилась старых трусов и ветхого бюстгальтера. Кстати, давно не мешает подстричься.

Четверг, рабочий день, она сидит в отеле и пьет джин. А всего несколько месяцев назад, загорелая и подтянутая, с букетом невесты, шла под руку с Альфи. Ноги утопали в шелковистом песке, с безмятежно-голубого неба сияло яркое солнце. Молодая, красивая, влюбленная... В раю. «Ты просто прелесть, – сказала ей начальница, смахивая слезинку. – Такая молоденькая, такая хорошенькая».

Джоуи нашла в телефоне свадебные фотографии и на несколько минут погрузилась в воспоминания о самом счастливом дне в своей жизни. Ее отвлек звук открывающейся двери.

Это он.

Том Фицуильям.

Директор школы.

Он повесил пиджак на спинку стула, поставил на сиденье кожаную сумку и неторопливой походкой, свидетельствующей то ли о робости, то ли, наоборот, о непрошибаемой самоуверенности, направился к бару. Очевидно, бармен хорошо его знал; он сделал ему газировку с лаймом и обещал подать еду, когда будет готово.

Джоуи исподтишка наблюдала, как Том возвращается к своему столу. На нем была голубая рубашка в мелкую клетку, нижние пуговицы слегка вминались в мягкую ткань, и Джоуи с неожиданным удовольствием отметила неидеальные контуры его фигуры: этот мужчина способен получать наслаждение от вкусной еды и не испытывает угрызений со-

вести по поводу лишней бутылки хорошего вина. Ей вдруг захотелось просунуть пальцы между пуговицами, раздвинуть туго натянутую ткань и коснуться мягкого тела.

Неожиданная мысль ошеломила. Джоуи уставилась на пустой стакан, отлично понимая, что пора уходить, однако не смогла даже шевельнуться, пригвожденная к месту внезапным, неподобающим, неприличным вожделением. Она чуть повернулась, чтобы лучше видеть Тома: ноги, лодыжки, слегка сползший серый носок, черный ботинок, полоска бледной кожи между носком и поддернутой штаниной.

Ее охватило сильнейшее физическое влечение. Джоуи перевела взгляд на свадебные фото на телефоне. Осталось всего два процента заряда, вот-вот вырубится. Нельзя просто сидеть и тарашиться на пустой стакан. Не сейчас. Не при нем.

Том достал из сумки какие-то документы, разложил на столе, небрежно занес ручку над бумагами, рассеянно щелкая кнопкой, – открыл-закрыл, открыл-закрыл, поставил пометку и снова поднял перо. *Щелк-щелк*. Задумчиво покачал ногой. «Уйду, когда официант принесет заказ, – решила Джоуи. – Да, правильно. Когда он отвлечется».

Экран погас; телефон приказал долго жить. Джоуи положила его в сумочку и принялась сосредоточенно разглядывать пол. Наконец где-то из недр бара прозвучал зуммер; бармен исчез на кухне и через пару секунд появился с деревянной доской, на которой возлежал пышный сэндвич, об-

рамленный свежей зеленью и курчавыми листьями салата. Том отодвинул документы и задушевно улыбнулся бармену.

– Спасибо.

Джоуи подхватила плащ и встала, чуть не перевернув стол в неуклюжей попытке ускользнуть незамеченной.

– Выглядит превосходно, – донесся голос Тома.

Она направилась к выходу, грохоча тяжелыми ботинками по иссиня-серым плиткам. Ремень сумки врезался в плечо. Неудачный поворот – и стопка листовок с рекламой местной ярмарки упала на пол.

– Ничего, я подниму, – сказал бармен.

– Спасибо, – виновато кивнула Джоуи.

Она решительно распахнула дверь, но, прежде чем покинуть бар, в последний раз взглянула на Тома. Он перехватил ее взгляд, и между ними промелькнула искра, неожиданная и пугающая, которую можно объяснить лишь мгновенно вспыхнувшим взаимным влечением.

26 января

Джоуи взглянула на мужа: тот сидел на кровати, скрестив ноги по-турецки, на коленях покачивался открытый ноутбук. Вернувшись в Англию, Альфи безжалостно обкорнал длинные рыжие кудри, отчего его голова стала непропорционально маленькой. Щеки и подбородок были покрыты четырехдневной порослью, из одежды – поношенные трусы-боксеры и серый жилет с широкими проймами, сквозь которые видны татуировки. Альфи просто огромный, настоящая глыба; даже сидя на манерной кровати, он похож на кельтского воина, забывшего одеться.

Джоуи придиричиво оглядела мощное молодое тело Альфи, потом вспомнила Тома Фицуильяма и его намечающийся животик, свидетельствующий о возрасте. Как будет выглядеть ее муж лет через двадцать? Обрастет жирком или весь высохнет? По-прежнему останется Альфи Баттером, хреновым гитаристом, великолепным обнимальщиком, бездарным художником-оформителем, добросердечным романтиком и чутким любовником, или изменится? Почему нельзя узнать заранее? Надо полагаться на судьбу и надеяться, что все сложится благополучно? Как же так?

От этих мыслей у Джоуи разболелась голова. Ей вспомнились уродская униформа «Чики-дрики», запах жареных

нагетсов, туалет для мальчиков, а затем – Том Фицуильям, шелканье шариковой ручки и вожделение, нахлынувшее в баре и не проходящее до самого вечера. Джоуи подумала о маме, заново почувствовала боль утраты и с ужасом поняла, что вот-вот расплачется.

– Что случилось? – забеспокоился Альфи.

– М-м, ничего.

– Точно?

– Точно. – Джоуи вымученно улыбнулась. – Просто легкий кризис. Работа – дерьмо, скучаю по Ибице, только и всего.

– Иди ко мне, – Альфи широко развел усыпанные веснушками руки. – Сейчас обниму, и все пройдет.

«Обнимашки делу не помогут», – хотела возразить Джоуи, однако, очутившись в объятиях мужа и почувствовав макушкой его теплое дыхание, подумала: может, не помогут, но и не помешают.

Следующим вечером по пути домой Джоуи завернула в магазинчик на углу. Первый день на новой работе подошел к концу; она чувствовала себя как выжатый лимон – родители хамят, дети вопят, света белого не видишь, каждый час – целая вечность. Хотелось поскорее вернуться домой, принять душ, переодеться в толстовку и треники и выпить чаю. А лучше – вина, да побольше.

В винном отделе Джоуи заметила жену Тома Фицуильяма.

Как там ее зовут? Джек упоминал; вроде как-то на «Н». Она доставала минеральную воду из холодильника. Раскрасневшаяся, с мокрыми от пота волосами, в блестящих черных легинсах и спортивном топе, открывающем накачанные мышцы. На запястье – ярко-розовый фитнес-браслет, на ногах – белоснежные кроссовки.

Заметив взгляд Джоуи, миссис Фицуильям холодно улыбнулась, прошла на кассу и заговорила с кассиршей – хорошо поставленным голосом, с легким северным акцентом. Она поведала, что после длительного перерыва вновь начала заниматься бегом – перелом лодыжки вывел ее из строя почти на год. Как здорово снова почувствовать асфальт под ногами: когда не бегаешь, будто и не живешь. Две мили в день – и в голове проясняется, шестеренки начинают крутиться быстрее.

Притаившись за стеллажом с крупами, Джоуи исподтишка разглядывала женщину, которую Том Фицуильям выбрал себе в жены. Легкая, почти невесомая, словно фея, с тонкими чертами, будто прорисованными острым карандашом. Джоуи не отличалась большим ростом, но жена Тома – и вовсе как кукла: волосы тоньше паутины, небольшой изящный носик. Джоуи представила, как эти крошечные ручки обнимают Тома за чуть располневшую талию. Интересно, он ей изменяет? Они часто занимаются сексом? Перед глазами встал неожиданно яркий образ: миниатюрная женщина, запрокинув голову, оседлала своего высокого красивого мужа.

Джоуи взяла самую дешевую бутылку с винтовой пробкой, поспешно расплатилась и побрела по дороге, ведущей к разноцветным особнякам. Впереди шла жена Тома, ссутулившись под напором январского ветра.

Высоко на холме в окне верхнего этажа дома Фицуильямов мелькнул луч света, шевельнулась чья-то тень. Через пару мгновений опустилась тяжелая штора, и коттедж погрузился во мрак.

27 января

Фредди Фицуильям выключил цифровой бинокль, опустил штору и отъехал на офисном кресле от окна к компьютеру. От многократных поездок туда и обратно на ковре остался лоснящийся след. Здесь, на чердаке с роскошным видом на деревню, реку и поля, Фредди чувствовал себя капитаном корабля. Родители подарили на Рождество цифровой бинокль, и с тех пор жизнь кардинально изменилась. Теперь ему хорошо видна дорога к дому Дженны Трипп и окно с матовым стеклом в ванной Бесс Ридли – временами в нем мерцает теплый свет, наводя на мысли об обнаженном теле. Каждое утро Фредди наблюдает, как Бесс подходит к дому Дженны, а потом они вместе идут в школу, держатся за руки, слушают музыку, сплетничают. Какая же у них вульгарная форма: на дворе январь, а девчонки в коротких юбках и с голыми ногами. В бинокль можно разглядеть даже марку чипсов, которые они едят.

Фредди ходит не в государственную школу, где работает его отец, а в частное заведение для мальчиков на другом конце города, в полчасе ходьбы от дома. Раньше он с родителями жил в Молде; как-то утром Фредди проснулся и узнал, что на следующей неделе они переезжают в Бристоль. С тех пор прошел год и один месяц. Отец Фредди – важная

пишка в системе образования. Министерство посылает его в проблемные школы, которые находятся на грани закрытия. В этой такое творилось, что предыдущего директора турнули пинком под зад: вроде он запустил лапу в школьную кассу.

Фредди тошнит от нового места. Школа – полный отстой; настоящая тюрьма, воняет как в каталажке. Учителя – сплошь старперы, да еще и британцы до мозга костей, не то что в прежней школе; там преподавали в основном европейцы, они как-то пободрее. Европейских учителей легко задобрить, поговорив с ними на их родном языке. Можно отмазаться хоть от убийства, если сказать преподу пару слов по-испански.

Фредди говорил на шести языках: французском, испанском, немецком, итальянском, китайском и валлийском. Валлийский он учил в Молде, остальные – самоучкой. А еще он способен подделывать двенадцать разных акцентов, да так, что даже местные принимают его за своего. После университета Фредди устроится в МИ-5². Родители говорят, государству нужны шустрые башковитые ребята вроде него, и он с ними полностью согласен. Надо же куда-то применить свои выдающиеся мозги, хранилище многочисленных фактов, и острый разум, фонтанирующий идеями. Цифровой бинокль, а также шпионские смарт-часы с камерой, шпионские очки и шпионские приложения на смартфоне отлично

² МИ-5 (Military Intelligence) – государственное ведомство британской контр-разведки.

вписываются в историю о будущем гениальном шпионе, которую Фредди с родителями пишут почти пятнадцать лет.

Фредди успешно использовал это оборудование по назначению.

Не имея друзей и не горя желанием их заводить, он целый год составлял досье под названием «Мелвиллское дело», нечто вроде бюллетеня о жизни поселка. В нем он документировал все события и происшествия Нижнего Мелвилла, которые сумел разглядеть из своей комнаты на верхнем этаже. Фредди регистрировал посетителей отеля «Мелвилл» (однажды даже видел Кейт Бланшетт; оказывается, она очень невысокая, а так и не скажешь), собачников («Седой старик с цвергшнауцером вышел из дома в 8 вечера, вернулся в 8.27») и бегунов («Две толстозадые тетки вышли из дома в 7.30, вернулись в 8.45, купили дорожные чипсы в гастрономе»). Он протоколировал мелкие нарушения закона – хозяин забыл убрать за собакой, многочисленные эпизоды парковки вторым рядом или в непопозволенном месте у перехода, как минимум три магазинные кражи, причем один раз продавец гнался за вором через весь поселок, так что едва не заработал сердечный приступ.

Однако в последнее время Фредди перестал интересоваться повседневными событиями: сколько можно наблюдать за седым стариком с цвергшнауцером?! Теперь его внимание переключилось на девушек. Странно, раньше девушки ему не нравились. Нелюбовь к противоположному полу

Фредди считал своего рода настройкой по умолчанию.

Видимо, это не так.

Дженна и Бесс – самые симпатичные девчонки в поселке. Дженна – высокая, спортивная, темноволосая, и буфера у нее что надо. Бесс – низенькая блондинка (кажется, натуральная); у нее короткая стрижка и челка вечно лезет в глаза. Фредди в десятом классе, а они в одиннадцатом. Теперь он стал документировать их перемещения: в какие дни ходят на факультативы, когда у них физкультура, что за напитки берут в «Старбаксе», как часто меняют сережки.

Да, Дженна и Бесс были его любимицами. Однако несколько недель назад в поселке появилась новенькая – переехала в синий коттедж через дом от Фредди. Реально классная. Фредди впервые увидел ее в Нижнем Мелвилле, в ресторане. Он был там с родителями, а она – со здоровенным рыжим мужиком в татуировках, просвечивающих сквозь рубашку. Сначала Фредди услышал ее голос с бристоольским акцентом и громкий смех. Заинтересовавшись, он повернул голову, всего на пару градусов, чтобы разглядеть ее получше. Воздушная блузка, бокал вина, чувственный рот, крупные белые зубы, светлые волосы, заколотые в небрежный пучок, золотые серьги-кольца, изящные ножки в кроваво-красных замшевых сапогах с бахромой. Так он и прозвал незнакомку, еще не зная ее настоящего имени.

Красные Сапоги.

Фредди навел бинокль. Она вышла из автобуса, потом выпала из поля зрения. Через некоторое время он снова поймал ее в объектив: вот, поднимается на холм вслед за его мамой. Фредди приблизил изображение. Да, видок неважный. Он скачал запись в ноутбук, увеличил кадр и разглядел под уродским мешковатым плащом желтую футболку. Ошибиться невозможно: желто-красный логотип «Чики-дрики». Каждый день по дороге в школу Фредди проходит мимо желтой бетонной коробки с огромным пластиковым туканом у входа. Детский клуб или что-то в этом роде.

Господи Иисусе, подумал он, Красные Сапоги работает в «Чики-дрики»! Самая дерьмовая работа на свете.

Фредди сохранил запись в сверхсекретную папку, которую никто из домашних не сможет взломать (мозгов не хватит), и пошел вниз спросить маму, что сегодня на ужин.

3 февраля

Дженна Трипп сняла черные кроссовки, развязала нейлоновый галстук, бросила рюкзак рядом с лестницей, распустила волосы, помассировала зудящую кожу головы.

– Я дома!

Мама, как всегда, сидит на кожаном диване в гостиной и смотрит в ноутбук; по правую руку – блокнот, по левую – телефон. Золотистые волосы собраны в хвост; гораздо лучше, когда они не падают на лицо: видны резкие скулы, впалые щеки, аккуратный подбородок. В юности она была моделью, правда, недолго. На стене рядом с комнатой Дженны висит фото в рамке – мама в бикини позирует на пляже, обхватив себя руками (судя по пейзажу, дело в ноябре), и улыбается в небеса. Любо-дорого смотреть.

– Будь другом, выгляни в окно. – Мама затащила электронную сигаретой и выдохнула клуб пара с ароматом лесных ягод. – Видишь синий «Лексус»?

Дженна со вздохом отодвинула штору, посмотрела по сторонам.

– Нет там никакого «Лексуса».

– Точно?

– Точно. Вижу синий «Форд Фокус», и все.

– Да, это машина Майка. Ну ладно.

Дженна не стала расспрашивать маму про синий «Лексус» – и так известно, что та скажет. Она опустила шторы, направилась в кухню, вскипятила чайник и приготовила себе низкокалорийный горячий шоколад, бросив туда пригоршню маршмеллоу (говорят, в них на удивление мало калорий). Потом подхватила кружку, рюкзак и телефон и поднялась к себе, по пути остановившись посмотреть на мамину фотографию. Фрэнсис Трипп, или Фрэнки Миллер (мамин сценический псевдоним). Выйдя замуж за папу Дженны и включившись в движение за права животных, она вернулась к имени Фрэнсис. Папа считал, так звучит более весомо. Жаль, Дженне не довелось узнать девушку на фото, беззаботную красавицу, чьи волосы развеваются на ветру, а в глазах отражается небо. Они бы наверняка поладили.

– Кстати, хотела спросить... – донесся звонкий мамин голос.

– Что?

– Ты меняла лампочку в косметическом зеркале?

Дженна ответила не сразу. Ее плечи поникли.

– Нет. – Хотя было бы намного проще сказать «да».

– Ясно, – отозвалась мама. – Странно. Очень странно.

Дженна шмыгнула к себе в комнату и плотно закрыла дверь, предпочитая не вступать в разговоры о лампочке. В «снэпчат» пришла фотка от Бесс: она держит перед лицом местную газету, делая вид, будто целует фотографию мистера Фицуильяма на восьмой странице. Вокруг обоих нарисо-

вано розовое сердечко. Дженна раздраженно цокнула языком. И что Бесс в нем нашла? Он же старый!

– У него харизма, – однажды сказала ей подруга, – и от него хорошо пахнет.

– Откуда ты знаешь, как от него пахнет?

– Принимаюсь, когда подходит близко. И еще он так это делает...

– Что «это»?

– Ну вот так, авторучкой. Щелкает. – Бесс показала как.

– Щелкает?

– Ну да. Очень сексуально.

– У тебя совсем крыша поехала, честное слово.

«Супер-пупер-директор», – ответила Дженна на сообщение. Бесс прислала серию смайликов. Дженна улыбнулась и поставила телефон на зарядку. Бесс – ее лучшая подруга. Они как сестры, даже круче – как близняшки. Дженна познакомилась с Бесс четыре года назад, после развода родителей. Она вытянула короткую соломинку и переехала с мамой в Нижний Мелвилл, а ее младший брат Итан остался с папой в Уэстон-сьюпер-мер. В целом здесь не так уж плохо. Мама упорно именуется их дом коттеджем, хотя на самом деле это послевоенный таунхаус, отделанный каменной штукатуркой. Когда-то он принадлежал маминым родителям и как был потрепанной развалюхой, так и остался, зато сам поселок здорово изменился. Из-за того, что Дженна здесь живет, ребята из школы считают ее мажоркой и выпендрейницей.

Они глубоко ошибаются.

– Джен!

Дженна закрыла глаза, прислушалась к звуку маминых шагов.

– Дженна!

– Что?

– Будь другом, выгляни во двор. Тот тип по-прежнему сидит у окна?

Дженна набрала воздуха в грудь и задержала дыхание.

– Зачем тебе?

– Сама знаешь зачем.

Да, знаю. Однако порой Дженне хотелось, чтобы мама сама сформулировала объяснение своим странным желаниям. Может, тогда до нее дойдет, что она несет полную чушь.

Дженна выдохнула, поставила чашку с горячим шоколадом на тумбочку и выглянула во двор. У окна соседнего дома сидел мужчина и сосредоточенно смотрел в экран компьютера. Он поднял кружку к губам, сделал глоток, поставил ее на место, рассеянно почесал в затылке и принялся печатать на клавиатуре.

– Никого там нет! – крикнула Дженна.

Последовало молчание. Похоже, мама не обрадовалась, а, наоборот, расстроилась.

– Ну хорошо. Скажи мне, если он вернется.

– Ладно, скажу.

– Спасибо, дорогая.

Звякнул телефон. Снова сообщение от Бесс. Фото мистера Фицуильяма, покрытое следами поцелуев.

Дженна улыбнулась и отправила ответ:

«Ты еще более чокнутая, чем моя мать».

На восьмой странице местной газеты красовалось фото Тома Фицуильяма. Он стоял у входа в школу – сложив руки на животе, смотрел в камеру строгим взглядом и сдержанно улыбался. Впечатление немного портил тонкий синий галстук, чуть сбившийся набок из-за ветра. Заголовок гласил: «СУПЕРДИРЕКТОР УСМИРЯЕТ ШКОЛЬНЫЕ БАНДЫ».

Джоуи не стала читать статью. Она не сводила глаз с фотографии Тома, отмечая мельчайшие детали: желтый шнурок с бейджем на шее, тусклый отблеск узкого обручального кольца, низко посаженные брюки без ремня, выступающий подбородок, широкий разворот плеч, седеющие волосы, слегка взъерошенные тем же порывом ветра, что привел в беспорядок галстук. Поза Тома говорила об уверенности и надежности: сразу видно, кто здесь хозяин.

Моя школа. Мои ученики. Моя ответственность.

СУПЕРДИРЕКТОР.

Джоуи задумчиво провела пальцем по фотографии, вспомнив обжигающий взгляд, который Том бросил на нее в баре на прошлой неделе. И тут же вздрогнула, ощутив мужскую руку на талии и теплое дыхание на затылке. Это Альфи, пахнувший дневным сном и потной футболкой.

– Блин, Альф, ты меня напугал.

– Прости, моя прелесть.

Он обнял ее сзади, прижался лицом к плечу, поцеловал, вдохнул ее запах.

– М-м-м, роскошно пахнешь.

– Тоже мне роскошно! От меня несет чипсами и детским пердежом.

– А вот и нет. – Альфи сунул руку под пояс ее уродских растянутых треников, залез в трусики. После фантазий про Тома от прикосновения пальцев мужа у Джоуи закружилась голова. – Ты пахнешь гормонами.

Она накрыла его руку своей, прижала плотнее.

– И чем же пахнут мои гормоны?

– Медом. – Альфи притянул ее к себе, качнулся вместе с ней из стороны в сторону, роняя слова в теплую ямку между шей и ключицами. – Летним дождем. Днями рождения. Кошачьими лапками. Горячим песком. И... – Он обхватил ее другой рукой, прижал, слился с ней воедино. – И тобой.

Джоуи повернулась к нему и крепко поцеловала, а потом поспешно, отчаянно потащила по лестнице в их комнату. Раскрытая газета осталась лежать на кухонном столе. Том Фицуильям невидящим взглядом смотрел в потолок.

– Знаешь что? – спросил Альфи немного позже, переплетая ее пальцы со своими.

Джоуи устроилась рядом и положила голову ему на плечо.

– Что?

– Ты, наверное, скажешь, что я рехнулся.

Она провела пальцем по розовому побегу, увивающему его торс, повторяя изгиб туго закрученных усиков.

– Выкладывай.

Альфи замолчал и долго лежал неподвижно.

Заметив румянец на его щеках, Джоуи взглянула на мужа.

– Что такое, Альф?

– Понимаю, мы женаты всего несколько месяцев, не так уж долго знаем друг друга и вообще еще молодые, но... как насчет того, чтобы завести ребенка?

Джоуи подавила приступ нервного смеха.

– Альф... – Она взяла его за руку. – О господи. Ну... да, когда-нибудь. Сначала нам нужно устроиться. Найти нормальную работу, разобраться с жильем. Честное слово, сейчас не самый подходящий момент.

Альфи как будто растерялся.

– Помнишь, на Кала д'Оре мы взяли забористую траву у того французика и строили планы на будущее? Ты тогда сказала: «Я не прочь стать матерью».

Джоуи недоуменно заморгала и тряхнула головой.

– Не могла я такого сказать.

– Сказала-сказала. Я хорошо запомнил, потому что это совсем на тебя не похоже, ты ведь... такая... – он неопределенно махнул рукой, подбирая правильное слово, – в общем, ни разу не мать.

Джоуи вздрогнула. Альфи нервно облизнул губы.

– Нет, пойми меня правильно! Просто... ну, не знаю...

ты совсем не похожа на других моих знакомых девушек, они только и мечтали залететь. А ты всегда вела себя так, будто у тебя есть дела поважнее.

– Ха-ха! – вырвался у нее сдавленный смешок. – У меня? Дела поважнее?

Альфи удивленно взглянул на Джоуи голубыми глазами. Ей стало стыдно.

– Где я и где важные дела? – Она ласково погладила его по щеке. – Я до сих пор не разобралась, что в жизни важно, а что нет.

– Дети, – вот что действительно важно, – торжествующе объявил Альфи. – И я на сто процентов готов стать отцом. – Он крепко сжал ее руку. – Даже на сто десять процентов. Главное – решиться. Уверен, из тебя выйдет отличная мать. Правда-правда.

– С чего ты взял?

– Ну... просто знаю, вот и все.

– Альфи... – начала Джоуи, – иногда мне кажется, ты видишь меня совсем не такой, какая я на самом деле. Я глупая и бестолковая. Воспитывать ребенка – огромная ответственность. Я не справлюсь. – Она заглянула ему в глаза, ожидая увидеть, как их застигает пелена разочарования, однако ясный взгляд Альфи был по-прежнему преисполнен надежды.

– Что ж, – сказал он, – я верю в тебя, Джоуи Маллен. Мы родим самого прекрасного малыша на свете и обеспечим его всем необходимым. Ты хотя бы подумаешь об этом?

Джоуи задумчиво взглянула на него. *Милый, красивый Альфи, любовь всей моей жизни.*

– Да, – ответила она. – Я подумаю.

8 февраля

Фредди взглянул на часы: пять тридцать три. Он подъехал на кресле к окну и взял в руки бинокль. Хотя уже почти стемнело, если повезет, удастся сделать пару снимков Дженны. Сегодня среда, значит, она вот-вот вернется с занятий по нетболу³.

Фредди не считал себя вуайеристом. Вуайеризм – это форма подавления личности, как психологическое или сексуальное насилие, травля или издевательства. Дело даже не в физическом контакте, а в ощущении превосходства, возникающее у того, кто вторгается в личные границы другого человека, и в нарушении хрупкого баланса сознательного и бессознательного. Фредди – не извращенец, не буллер и не преступник. Он наблюдает за девушками, чтобы лучше понять их и разобраться, что к чему. Вроде как научный проект.

Он отрегулировал резкость и навел бинокль на поселок. Вот мама целеустремленно бежит по улицам Мелвилла; волосы убраны под черную бейсболку, в таком виде ее легко принять за парня. Вот седой старик выгуливает цвергшнауцера. Вот два пацана из школы со скейтами в руках; не иначе идут к реке – там, за транспортной развязкой, есть скейт-парк. Наконец-то вот и Дженна Трипп: волосы забраны в

³ Нетбол – разновидность баскетбола, традиционно женский вид спорта.

хвост, бледно-розовая спортивная сумка, длинные крепкие ноги в белых кроссовках, наушники, темно-синяя толстовка, в руке – здоровенный пластиковый стакан бурды из «Старбакса».

Дженна свернула с главной дороги на боковую улицу и остановилась. Рядом с ее домом стояла женщина в футболке с надписью «Нет сланцевой добыче!» – скорее всего, мама Дженны – и фотографировала автомобиль, припаркованный на другой стороне улицы. Дженна ускорила шаг и подошла к женщине. Та принялась оживленно жестикулировать, потом неожиданно подняла глаза и указала пальцем прямо на Фредди. Ему стало жутко: сделав последний снимок, он кубарем скатился со стула и лег на пол. Через пару секунд он осторожно выглянул в окно: Дженна и ее мать ушли. Фредди перекачал данные с бинокля в компьютер, нашел последний кадр и увеличил изображение.

Женщина, прищурившись, смотрела прямо в объектив; ее палец был направлен на Фредди, а губы явно произносили слово «ТЫ».

– Мам, что ты делаешь?

– А ты как думаешь?

– Ведешь себя как ненормальная, вот что я думаю.

– Ты его видела?

– Кого?

– Того типа из желтого дома наверху. Опять фотографирует.

Дженна подняла голову, нашла взглядом желтый дом.

– Где?

– На верхнем этаже. Он всегда там сидит.

Дженна, прищурившись, взгляделась в окно верхнего этажа, но никого не заметила.

– Ладно, кто бы там ни был, он уже ушел. – Не имеет смысла разубеждать маму. Сто раз пробовала – не помогает. – Пойдем домой.

Мама недобро посмотрела на Дженну, заглянула ей через плечо.

– Смотри-ка.

Дженна вздохнула. Она вспотела после нетбола, и теперь на холодном воздухе ее била дрожь.

Мама присела на корточки рядом с красным «Воксхолл Корса»⁴, указала на заднее крыло.

⁴ Машины марки «Опель» продаются в Великобритании под торговым наиме-

– Этой царапины вчера не было. Кто-то нарочно провел ключом. Вон следы от зубцов.

Дженна наклонилась. Машина ужасно старая: мама на ней возила ее в ясли. Царапина довольно свежая, но это ни о чем не говорит.

– Как же так? – спросила мама. – Почему именно мы? Почему именно я? Не понимаю.

– Идем. – Дженна подала ей руку. – Пошли домой, я замерзла.

– Видимо, придется снова звонить в полицию. Правда, толку никакого. Бред какой-то. А теперь к этому причастна еще и твоя школа.

Дженна толкнула дверь и вошла в дом.

– В каком смысле, моя школа?

– Твой директор. Как там его, «супердиректор». Это он фотографирует, я уверена. А знаешь, кто еще здесь поселился? Женщина, о которой я тебе рассказывала. Мы видели ее на экскурсии по Озерному краю, помнишь? Все взаимосвязано, Джен, буквально все.

Дженна бросила спортивную сумку у входа и повесила толстовку на перила лестницы.

– Пойду наберу ванну, мама, – сказала она. – Набрать потом и тебе?

– Да, спасибо. Только не забудь сперва ополоснуть, – крикнула мама ей вслед. – Вдруг там битое стекло.

– Ладно, – отозвалась Дженна. – Хорошо.

11 февраля

Всубботу, возвращаясь с работы в автобусе № 218, Джоуи заметила высокого мужчину в голубом джемпере и синих джинсах, выходящего из спортивного магазина. В руках он держал пакет с покупками, и вид у него был слегка растерянный. Джоуи не сразу поняла, что это Том Фицуильям, однако с первого взгляда ощутила к нему симпатию, даже больше – влечение. Настолько сильное, что ее буквально обожгло изнутри.

Автобус остановился на светофоре. Том пошел сначала в одном направлении, затем двинулся обратно. Внезапно он перешел на бег и вскинул руку, будто собираясь взмыть в небо, как Супермен. Почему-то это казалось вполне возможным. От резкого движения голубой джемпер слегка задрался, обнажив бледную полоску кожи на животе, мягком и податливом, как свежеиспеченный хлеб. Тут же как по команде (не по просьбе, а именно по команде) притормозило такси. Том поставил в салон объемистый пакет, уселся сам. Такси проехало рядом с автобусом; Джоуи с радостным возбуждением смотрела ему вслед.

Когда Джоуи добралась домой, там никого не было. Альфи ушел к маме – якобы красить кухню, а на самом деле –

смотреть футбол на кожаном диване и поглощать мамину стряпню. Джек на работе, Ребекка уехала на выходные к подруге в Глостершир. Некоторое время Джоуи бесцельно бродила по дому, впитывая ощущение пространства. Она до сих пор стеснялась заходить в комнаты и обычно перемещалась из кухни к себе на чердак, а оттуда – прямо к выходу, не задерживаясь и не отвечивая. Если ей и приходилось бывать в гостиной, она устраивалась на краешке дивана, словно гостья, и старалась долго не засиживаться. «Чувствуй себя как дома», – раз за разом повторял ей Джек. Ему легко говорить: они с Джоуи – продолжение друг друга, так что ее присутствие его не тяготит. Но Ребекка – совсем иное дело. Джоуи для нее чужой человек, поэтому она прячется и всячески ее избегает.

Комнаты казались безликими и по виду мало отличались от номеров отеля «Мелвилл»: светлая мебель, позолоченные безделушки. Невозможно представить здесь ребенка, шумного, неуправляемого, занимающего все свободное место. В который раз за неделю мысли Джоуи вернулись к неожиданному предложению Альфи. «Это же здорово, – сказал он тем же вечером, – наш малыш будет ровесником дочки Джека и Ребекки. Они станут лучшими друзьями».

Прозрачный намек на то, чтобы завести ребенка сейчас. Не «скоро», не «со временем», а прямо сейчас.

Джоуи не хотела ребенка прямо сейчас.

Совершенно точно не сейчас.

Ее взгляд упал на фотографию, где они с Джеком и родителями позируют перед домом их бабушки в Эксетере. Джоуи года три, на ней красная кофта, волосы заплетены в хвостики. Джек – поразительно нескладный тринадцатилетний подросток, глаз почти не видно из-за челки, ревниво положил руку ей на плечо. Джек горячо любил Джоуи со дня ее появления на свет. Десятилетняя разница в возрасте ни капли не мешала: наоборот, им не приходилось соперничать друг с другом, и они были очень близки. Однако сейчас внимание Джоуи привлекли родители: если ей на снимке три года, значит, маме тридцать один. Тридцать один год, замужем, и у нее двое детей – подросток и маленькая девочка. Мамина кожа дышит молодостью, каштановые волосы сияют. «Какая же она молодая, – подумала Джоуи, – всего на несколько лет старше меня». В детстве мама не казалась ей молодой; она умерла прежде, чем Джоуи успела заметить, что она состарилась.

Возвращаясь к себе, Джоуи прошла мимо кабинета Ребекки. Два или три дня в неделю Ребекка работала из дома. Иногда по пути на чердак Джоуи слышала из-за двери ее приглушенный голос или стрекотание клавиатуры, но чаще из кабинета не доносилось ни звука, словно внутри никого нет.

Перегнувшись через перила, Джоуи взглянула вниз – удостовериться, что там пусто, осторожно толкнула дверь в кабинет Ребекки, вздрогнула и схватилась за сердце. В углу

стоял человек. Нет, не человек – картонная ростовая фигура Джека в гавайских шортах. Джоуи помнила эту штуковину по фотографиям с мальчишника. Джек и его приятели возили ее по всему Бристолу и предлагали симпатичным девчонкам позировать с ней в обнимку.

Три стены небольшой квадратной комнаты заставлены стеллажами, на четвертой – эркерное окно, выходящее на улицу. Кофеварка, чайник, поднос с чашками и кружками, маленький холодильник, компактный бежевый диван – здесь есть все необходимое, можно целыми днями не выходить наружу. На рабочем столе три больших монитора, две клавиатуры, аккуратная стопка документов, свадебное фото Джека и Ребекки.

Джоуи едва помнила свадьбу брата. Она прилетела в Англию, страдая похмельем, и следующие сорок восемь часов пила без продыху, пока не пришло время лететь обратно. Ей под страхом смерти не вспомнить наряд невесты: судя по фотографии, на Ребекке было кремовое атласное платье точно по фигуре. Волосы распущены и расчесаны до блеска, в ушах – сережки с бриллиантами. В кои-то веки Ребекка улыбалась; к счастью, фотограф подоспел как раз вовремя, чтобы запечатлеть столь редкий момент. Единственное, что Джоуи запомнила про те выходные, – она смотрела на невыразительную жену своего замечательного брата и удивлялась, почему та не улыбается.

Джоуи поставила снимок на место, рассеянно провела

пальцами по вещам, разложенным на столе. Нежно-зеленое пресс-папье. Тюбик крема для рук «Кэт Кидстон». Пластиковый кактус в горшке, совсем как настоящий. Серебряный браслет «Линкс оф Лондон». Маленькая фотография – девочка-школьница (наверное, Ребекка) обнимает бордер-колли.

Джоуи присела на обтянутый серой тканью подоконник и взгляделась в даль. Отсюда просматриваются крыши и дымовые трубы, за ними – река и соблазнительные изгибы холмов. А в левое окно эркера видно правое окно точно такого же эркера в доме Тома Фицуильяма. В мерцании настольной лампы тускло блеснуло зеркало, мелькнул женский профиль.

Никола Фицуильям наносила крем, осторожно касаясь кончиками пальцев фарфоровой кожи.

Заслышав дразнящий стук каблучков по брусчатке, Фредди придвинул кресло к окну. Суббота, почти вечер; на бледном сумеречном небе змеятся серые вены облаков, над рекой поднимается мутная луна. Это она, Красные Сапоги. Неизменные красные сапоги, обтягивающие джинсы, кожаная куртка, объемный шарф, заколотые в пучок светлые волосы, яркая помада. Так же хороша, как и в первый раз, когда Фредди увидел ее в ресторане «Мелвилл». Он взял фотоаппарат и снова переместился к окну.

Красные Сапоги спустилась по холму, повернула налево, к автобусной остановке. Фредди проверил расписание – автобус № 218 приедет через восемь минут. Она уткнулась в телефон, то и дело поглядывая на разноцветные дома. Приблизив изображение, Фредди разглядел ее задумчивое лицо, прикушенную нижнюю губу. Чего она ждет? Куда смотрит? Вдруг за две минуты до прибытия автобуса Красные Сапоги встрепенулась и перебежала на другую сторону улицы. Автобус приехал и уехал, а она вышла из магазина с голубым пластиковым пакетом, в котором ясно угадывалась бутылка, и принялась подниматься обратно на холм.

Красные Сапоги миновала синий коттедж и остановилась рядом с домом Фредди. *Что она здесь делает? Неужели засекала меня? Нет, вряд ли.* Фредди наострился наблю-

дать за людьми, оставаясь при этом незамеченным. Однако ему вспомнилась мама Дженны, ее указующий перст и слово «ты». Может, он вовсе не так ловок, как хочет казаться... Фредди откатил кресло в глубину комнаты, ожидая, что Красные Сапоги постучится или уйдет.

Она стояла под дверью целых три минуты восемнадцать секунд. Потом раздался звук шагов, в свете недавно зажегшихся уличных фонарей показался мужчина. Фредди приоткрыл окно и приложил ухо к щели.

– Ты что тут делаешь, малыш? – спросил мужчина, ее муж.

– Сама не знаю, – ответила Красные Сапоги. – Хотела поехать в город и встретиться с тобой, но ты не брал трубку, так что я купила бутылку вина и вернулась домой.

– Прости, детка. Телефон вырубился, а зарядки под рукой не нашлось.

– Ничего. Я не особенно хотела куда-то идти. А теперь ты уже приехал, так что в любом случае поздно.

– Точно. Устал как собака. Кстати, знаешь что?

– Что?

– Я закончил.

– Мамину кухню?

– Ну да. Осталось еще раз пройтись вторым слоем по плинтусам.

– Господи, ну наконец-то.

– Вот поставлю телефон на зарядку и покажу тебе фотки.

Здорово получилось.

– Ты несколько недель раскачивался и в результате сделал все за день.

– Да, знаю. Я просто подумал... после нашего разговора... пора уже братья за ум.

Наступила тишина. Фредди не видел, что они делают. Наконец Красные Сапоги произнесла:

– Ты образцовый муж, Альфи Баттер. Я впечатлена.

– А ты образцовая жена, Джоуи Маллен. Пойдем-ка домой, выпьем вина и займемся тем, чем полагается заниматься образцовым супругам в субботу вечером.

– Посмотрим кино?

– Возможно.

– Ну пошли.

Раздался щелчок замка и стук закрывающейся двери. Фредди облегченно выдохнул. Теперь он знает две вещи: во-первых, как зовут Красные Сапоги. Во-вторых, стало понятно, почему она шесть минут сидела на остановке, а потом вернулась домой. Правда, неясно, почему она три минуты восемнадцать секунд стояла под его дверью.

СТЕНОГРАММА ДОПРОСА,

ЧАСТЬ 2

Дата: 25/03/17

Место: полицейский участок Тринити-Роуд, Бристоль,
BS2 0HV

Допрос проводят офицеры полиции Сомерсета и Эйвона

ПОЛИЦИЯ: Мисс Маллен, что на вас было надето прошлым вечером?

ДМ: Голубое платье из «Примарк».

ПОЛИЦИЯ: А обувь?

ДМ: Сапоги. Красные замшевые сапоги.

ПОЛИЦИЯ: На них была бахрама?

ДМ: Да, была.

ПОЛИЦИЯ: Спасибо. Когда вы встречались в отеле с Томом Фицуильямом, на вас была эта одежда, верно?

ДМ: Да.

ПОЛИЦИЯ: Вы можете сказать, в какое время произошла ваша встреча в отеле «Бристоль харбор»?

ДМ: Я пришла туда около семи вечера, зарегистрировалась, оплатила номер банковской картой. Через полчаса при-

шел Том.

ПОЛИЦИЯ: Что произошло дальше?

ДМ: Ничего. Мы просто разговаривали.

ПОЛИЦИЯ: В гостиничном номере стоимостью сто во-
семьдесят фунтов за ночь?

ДМ: Да.

ПОЛИЦИЯ: А потом?

ДМ: Том ушел.

ПОЛИЦИЯ: Во сколько?

ДМ: Примерно в семь сорок пять.

ПОЛИЦИЯ: А после того, как Том Фицуильям ушел?

ДМ: Я осталась в номере.

ПОЛИЦИЯ: Зачем?

ДМ: Ну... не знаю. Мне нужно было собраться с мыслями.
Я пробыла там минут десять, потом ушла. Вызвала такси и
приехала домой.

ПОЛИЦИЯ: Что вы делали дальше?

ДМ: Ничего. Посмотрела с мужем телевизор и легла спать.

ПОЛИЦИЯ: То есть это не вы стучали в дверь Тома в во-
семь пятнадцать?

ДМ: [молчит]

ПОЛИЦИЯ: Так вы или не вы?

ДМ: Нет, не я. Я... хотела постучать, но передумала и вер-
нулась домой.

ПОЛИЦИЯ: Спасибо, мисс Маллен. Пока это все.

17 февраля

Вконец недели, после особенно тяжелого рабочего дня, Дон, начальница Джоуи, объявила:

– Пойдем-ка в паб.

Джоуи готова была отказаться: с деньгами сейчас туговато, она устала и вся провоняла потом; хотелось весь вечер лежать в ванне, пить «Бейлис» и ни о чем не думать. Но тут она вспомнила про Альфи: в последнее время он смотрит на нее так, будто ждет ответа на свое предложение. Кстати, сегодня у него выходной. Похоже, напиться вдрызг в компании едва знакомых людей, никто из которых, насколько можно судить, не намерен сделать ей ребенка, – не такая уж плохая идея.

За компанию они взяли с собой паренька по имени Кристен, работающего в кафе «Чики-дрики». В баре он заказал пинту лагера, достал телефон и уткнулся в него, тут же забыв о присутствии Дон и Джоуи. Вскоре к ним присоединилась Сэм, жена Дон. Она привела с собой подругу с работы, а та позвала свою подругу. Пришлось придвинуть к их маленькому столику дополнительные стулья. В результате получилась пестрая компания, где никто никого толком не знает. Может, оно и к лучшему. Джоуи постаралась побороть неловкость двумя порциями водки с тоником, а потом заполировала это

дело пинтой пива, которую кто-то заказал для нее без спроса. Играла громкая музыка – какой-то металл. Посетители – в основном студенты и стареющие рокеры. Барная стойка и полы выкрашены в свинцово-черный цвет. В боковом зале готовились к выступлению музыканты. Под ногами, положив морды на лапы, скучали две колли; у собак был такой вид, словно им все это давно обрыдло и хочется домой.

– Закажу поесть, – сказала Дон, перекрикивая музыку. – Будешь что-нибудь?

– Нет, спасибо. – Джоуи нравилось, как алкоголь плещется в пустом желудке, кружит голову, размягчает сознание. Не хотелось спугнуть приятное чувство.

– Как тебе в седьмом круге ада? – обратилась к ней Сэм, миловидная девушка с розовыми волосами и розовым гвоздиком в носу, на вид не больше восемнадцати.

– Ты про «Чики-дрики»?

– Ну да.

– Жуткая дыра, – призналась Джоуи, – но Дон хорошая начальница. Иногда бывает даже весело. Вы давно женаты?

– Чуть больше года, – ответила Сэм. – Не волнуйся, я старше, чем выгляжу. На самом деле мне двадцать семь. Говорю на случай, если ты решила, что я вступила в брак до совершеннолетия. А ты замужем?

– Да, замужем, – с неохотой подтвердила Джоуи. Ей не хотелось развивать эту тему.

– Долго?

– Несколько месяцев.

– Ничего себе! Вы давно знакомы?

– Ха-ха! Нет. Тоже несколько месяцев. Как-то все стремительно получилось.

– Вот это да! – восхитилась Сэм. – Желаю удачи.

Джоуи оглядела бар. У барной стойки спиной к ней стоял мужчина – высокий, хорошо сложенный. Короткие темные волосы, седеющие на висках, мятая рубашка с закатанными рукавами. Он повернулся, обхватив большими ладонями три бокала пива, и Джоуи застыла от изумления.

Том Фицуильям.

Он отнес пиво в боковой зал, поставил перед двумя бородатыми мужчинами в безрукавках, придвинул стул к их столику и уселся, без малейшего усилия согнув длинные ноги. Протянул руку, рассеянно погладил ближайшую собаку. Младший из бородачей что-то произнес; Том Фицуильям засмеялся, запрокинув голову.

Зажужжал мобильник. Джоуи взглянула на экран. Сообщение от Альфи: «Когда будешь дома?»

Она начала набирать ответ, но не смогла придумать ничего подходящего и выключила телефон. Подняв глаза, Джоуи обнаружила, что Том Фицуильям смотрит прямо на нее; сердце замерло, в горле пересохло. Через пару секунд стало ясно: на самом деле он смотрит на двух бородачей, только что вошедших в паб. Том и его приятели горячо приветствовали новоприбывших. Откуда-то появилось еще пиво и до-

полнительные стулья.

Дон принесла напитки: для Джоуи – водка с тоником.

– Для тебя – двойная, – подмигнула она. – Судя по твоему виду, тебе просто необходимо наклюкаться.

– Ты очень наблюдательна, – криво усмехнулась Джоуи.

Она справилась с выпивкой за три минуты. За это же время бородатые друзья Тома Фицуильяма прикончили свое пиво, поднялись на сцену и принялись настраивать инструменты. Один из них, в лыжной шапочке, расположился за барабанной установкой и приготовил палочки. Судя по надписи на большом барабане, группа называлась «Люпин». Интересно, откуда Том Фицуильям, облеченный властью супердиректор, немолодой отец, не признающий никакой другой одежды, кроме костюма, знает волосатых рокеров из группы «Люпин»?

– О господи, только не эти фрики... – Сэм кивнула в сторону музыкантов.

Джоуи непонимающе взглянула на нее.

– Они играли здесь на прошлой неделе. Полный отстой.

– Точно, помню, – простонала Дон, оторвавшись от пирога с курицей. – Орали, как ошпаренные коты.

– Или подышающие ослы, – поддакнула Сэм.

– Которых режут бензопилой, – добавила Дон.

– Вы их знаете? – поинтересовалась Джоуи.

– Музыкантов? – переспросила Дон. – Слава богу, нет. Вроде бы двое преподают в местной школе. Учителя геогра-

фии изображают рок-звезд! – хохотнула она. – Жалкое зрелище.

Джоуи направилась в туалет. Как и весь интерьер бара, дамская уборная была выдержана в черном цвете. Внутри пахло прокисшим пивом и мокрой тряпкой. Через тонкие стены доносился ритмичный перестук барабанов и изредка – гнусавый голос бас-гитары. Джоуи посмотрелась в зеркало: тот еще видок. Она выудила из сумки помаду, расческу и черную подводку для глаз, кое-как подкрасилась, распушила пересушенные выгоревшие кончики волос и снова критически себя оглядела. Вроде получше. Да, получше.

Выходя из туалета, Джоуи наткнулась на Тома Фицуильяма. Он заполнил собой узкий проход, не оставив свободного места. Джоуи инстинктивно прижалась к стене, пропуская его, но Том заметил ее, вежливо улыбнулся и произнес:

– Кажется, мы знакомы, верно?

Можно было сказать: «Нет, вы обознались», подхватить плащ, попрощаться и уйти. Однако Джоуи поступила иначе. Она расправила плечи, улыбнулась и ответила:

– Похоже, мы с вами соседи. Я видела вас в баре в отеле «Мелвилл».

Том сложил руки на животе, сделал вид, будто внимательно изучает Джоуи, и наконец изрек:

– Действительно, я вас помню. Вы уронили листовки.

Джоуи улыбнулась. Ее сердце затрепетало. Этот большой, состоявшийся, красивый мужчина обратил на нее внимание.

– Со мной вечно что-то приключается.

– И, если не ошибаюсь, – продолжил Том, – я видел вас в «Мелвиллских высотах». Вы выходили из дома Джека и Ребекки.

– Точно! Джек – мой брат.

– Вот оно что, я и не знал. Я не очень хорошо знаком с Джеком. Мы разговаривали всего несколько раз.

– Правда, он замечательный? – Джоуи часто демонстрировала неосознанную и по-детски непосредственную любовь к Джеку.

– Да, славный парень. – Судя по взгляду Тома, он предпочитал беседовать о ней, а не о ее безупречном брате. – Вы здесь с друзьями?

– Да, в некотором роде. С начальницей, ее женой и знакомыми знакомых. А вы с кем?

– Как ни странно, с музыкантами. – Том кивнул в сторону сцены. – Я преподаю в школе. – Джоуи сделала вид, что понятия не имеет, кто он такой. – Двое наших учителей играют в группе. Они попросили меня прийти, и вот я здесь. Вообще-то я привык по-другому проводить вечер пятницы, но было бы невежливо отказываться лишь потому, что я уже старый и предпочитаю сидеть дома и смотреть сериал «Нарко».

В коридоре показались две женщины. Тому и Джоуи пришлось прижаться к стене, чтобы пропустить их. Рука Тома скользнула по ноге Джоуи. «Так и знала, что это должно про-

изойти», – мелькнула мысль.

Они улыбнулись друг другу.

– Что ж, – начала Джоуи, – рада была...

В этот момент Том произнес:

– Будете смотреть выступление?

Она задумалась над ответом. В этих невинных словах кроется подтекст: приглашение, которое следует проигнорировать.

– Моя подруга говорит, они играют так, будто стадо ослов режут бензопилой.

Том рассмеялся.

– Бог ты мой, – заговорщически прошептал он, – вы подтвердили мои подозрения! В отличие от меня вы можете уйти в любой момент, но если вдруг решите остаться, подойдите после концерта, познакомлю вас с музыкантами.

Джоуи улыбнулась и кивнула.

– Кстати, меня зовут Том. – Он протянул ей руку.

– Привет, Том. Я Дж... – она запнулась. – Джозефина.

– Джозефина. Какое красивое имя.

«Я знала, что оно понравится», – подумала Джоуи.

– Спасибо.

– Рад был побеседовать.

Джоуи вернулась на свое место рядом с Сэм и ее подругой и притворилась, будто слушает их разговор, но на самом деле все время посматривала на туалет. Выйдя оттуда, Том поймал ее взгляд и улыбнулся. Она достала телефон и отве-

тила на сообщение Альфи: «Сижу в баре с Дон и ее друзьями, слушаю музыку. Буду часа через два».

Фредди застал маму за вязанием. Он никогда раньше не видел ее со спицами.

– Что это?

– Одеяло для соседки из синего дома. Она беременна, в мае у нее родится девочка.

Фредди бросил взгляд на распечатанную схему с изображением утят и кроликов.

– Почему ты вяжешь для этой женщины? Вы же едва знакомы.

– Ну... Не знаю. Просто так.

Мама вечно пробует что-то новое: это часть ее натуры. То выращивает овощи, то занимается восточными единоборствами, то учится играть на пианино. Она говорит, что у нее низкий порог скуки. Их семейство никогда не задерживается в одном месте надолго, поэтому искать работу не имеет смысла, но, поскольку мама по складу характера совсем не домохозяйка, ей требуется какое-то занятие. В последнее время она по два-три часа в день занимается бегом, а теперь вот увлеклась вязанием. Видимо, сегодня съездила в специализированный магазин, купила все необходимое и посмотрела обучающее видео на «Ютьюбе».

Фредди взглянул на маму: светло-каштановые волосы блестят от дорогого масла, с помощью которого она каждое утро

с особым тщанием делает укладку. Мама проводит перед зеркалом минимум час в день. Умашается лосьонами и притираниями по пятьдесят фунтов за флакончик. Красит веки тональным кремом, чтобы они были того же цвета, что и кожа: такое ощущение, будто их вообще нет. Старается выглядеть естественно и высмеивает женщин, предпочитающих «ненатуральную» красоту. Гордится своей миниатюрной фигурой и тем, что ей иногда приходится покупать наряды в детских магазинах. Мама вечно трясется над внешним видом, но даже Фредди понятно, что на самом деле она не разбирается ни в одежде, ни в макияже.

Она надевает туфли, совершенно не подходящие к джинсам, а потом останавливается поболтать с какой-нибудь женщиной – у школы, в центре боевых искусств, в магазине для рукодельниц, – и вскоре тщательно наведенный лоск покрывается трещинами: мама начинает придирчиво разглядывать собеседницу, ее обувь, кожу и ногти, оценивая внешний вид и манеру одеваться. После этого неподходящие туфли заменяются ультрамодными кроссовками, с ногтей снимается ярко-алый лак, на смену обтягивающей безрукавке приходит свободная парка. Однако кроссовки все равно будут не те. Мама вечно немного недотягивает. Потом они переезжают в другой город с другими правилами, и ей снова приходится подстраиваться под местные порядки.

Не то чтобы она так уж старалась держаться в тренде. У мамы, как и у Фредди, нет друзей. Наверное, на самом де-

ле она не хочет вливаться в коллектив.

– Когда папа придет? – со вздохом спросил Фредди.

– Не знаю. Когда появится удобный момент, чтобы вежливо откланяться.

У Фредди до сих пор в голове не укладывалось, что отец слушает рок-музыку в «Прялке». Просто уму непостижимо. Он ведь такой... *скудный*.

В десять часов Фредди зевнул и поднялся с дивана.

– Пойдешь спать, милый? – рассеянно спросила мама, по-прежнему сосредоточенно работая спицами над тонкой полоской из бежевой шерсти.

– Да. У тебя все хорошо?

– Конечно, – безмятежно ответила она. – Все хорошо.

Фредди хотел задать еще множество вопросов, однако не смог подобрать слова. *Ты счастлива? У вас с папой все в порядке? Вы не намерены разводиться? Ты не жалеешь, что вышла замуж за папу и родила меня? Стоит ли мне тревожиться из-за звуков, доносящихся по ночам из вашей спальни?*

Фредди поцеловал маму в макушку. Все-таки в стремительном росте есть свои преимущества. Он боялся, что остановится на отметке пять футов три дюйма, но в последнее время резко прибавил и почти достиг пяти футов семи дюймов. Обогнать папу вряд ли получится, зато маму он уже перегнал.

Вернувшись в спальню, Фредди принялся наблюдать, чем

добрые жители Мелвилла занимают себя в пятницу вечером. Модные заведения – тайский ресторан и пиццерия – ломятся от посетителей, у дверей бара толкучка. Фредди перевел бинокль на окно ванной комнаты Бесс – там темно; у дома Дженны – тишина и спокойствие. Он уже хотел задернуть занавеску, когда вдруг заметил свет фар: в «Мелвиллские высоты» едет машина. Поднявшись на самый верх, такси остановилось; оттуда вышел отец, а за ним – Красные Сапоги.

Сперва Фредди решил, что ошибся. *С чего бы папе ехать в такси с Красными Сапогами?* Он пригляделся получше. Красные Сапоги уткнулась лицом отцу в спину. Тот повернулся, положил руки ей на плечи. Она как будто хотела поцеловать его; он отстранился, она снова качнулась ему навстречу. Этот странный танец продолжался еще некоторое время. В конце концов отец обнял ее за талию и решительно подвел к двери синего дома.

Фредди приоткрыл окно и прислушался. До него донеслись отдельные слова: «прости», «паб», «перебрала лишнего», «без проблем», «доброй ночи».

Отец пару секунд постоял на тротуаре, задумчиво глядя на дверь, за которой скрылась Красные Сапоги, затем медленно повернулся и пошел домой.

18 февраля

– Что это было вчера вечером? – наутро поинтересовался

Фредди у отца.

Тот недоуменно поморщился. От него исходил кисло-сладкий запах немолодого мужчины, всю ночь мариновавшегося под влажными несвежими простынями.

– Ты о чем?

Фредди вынул круассан из пакета.

– О тебе и той женщине.

Отец на мгновение перестал намазывать хлеб маслом, но тут же продолжил:

– А, Джозефина!.. – Он делано зевнул. – Она тоже была на концерте. Как выяснилось, живет через дом от нас. Бедняжка малость перебрала, поэтому я подвез ее на такси.

– Настоящий рыцарь без страха и упрека. Спасает не только школы, но и прекрасных дам, – не удержался Фредди. Отец – само совершенство, по крайней мере в глазах окружающих. Великолепный Том Фицуильям, красивый, умный, обаятельный, высокий. И член у него огромный. На самом деле про член никто не говорит, но это правда: Фредди сам видел.

Мама тоже поддерживает миф об отцовском величии. Каждый раз, когда он приходит с работы, она сама не своя от

восторга, а если они куда-то выбираются вместе, держит его за руку, чтобы дать всем понять: это ее муж, единственный и неповторимый.

В общем, в отсутствие системы сдержек и противовесов в виде братьев и сестер Фредди считал своим долгом иногда ставить папу на место, чтобы тот не слишком задавался. Отец благосклонно терпел нападки. Он вообще неплохо относился к сыну, потому что не подозревал, насколько сильно Фредди его временами ненавидит.

Пропустив сарказм мимо ушей, отец включил кофеварку и стоял перед французским окном, задумчиво глядя на сад. Вскоре кухня наполнилась запахом кофе.

– Какая она?

– Кто?

– Девица, которую ты уберег от изнасилования в нелегальном такси.

Последовало молчание. Фредди не был уверен, что отец его расслышал, однако тот повернулся и облокотился на кухонный стол.

– Симпатичная.

– Симпатичная?

– Да, весьма симпатичная. Я с ней особо не разговаривал, мы слушали музыку. А потом стало ясно, что она напилась, поэтому я вызвал такси. Большую часть пути она спала.

– Мне показалось, она хотела тебя поцеловать.

– Что?

– Когда вы вышли из машины, она пыталась поцеловать тебя в губы.

Отец поморщился.

– Э-э, нет, сильно сомневаюсь.

Фредди иронично приподнял бровь. Он-то прекрасно все видел. Еще одна несчастная женщина, павшая жертвой обаяния Тома Фицуильяма. Очередная простушка, ослепленная блеском золотой монеты на дне колодца.

В кухне появилась мама: волосы влажные, лицо намазано кремом, только что из душа после утренней пробежки.

– В чем ты сильно сомневаешься? – спросила она.

– Ни в чем. – Отец бросил на Фредди предостерегающий взгляд. – Как побегала?

– Отлично. – Мама налила себе кофе. – На улице очень хорошо. Давайте сходим куда-нибудь.

Фредди предпочел бы провести выходные дома. От предложения сходить куда-нибудь, наводящего на мысли о быстрой ходьбе, тихих художественных галереях и неловком обеде в шикарном ресторане, его затошнило.

– Мне нужно делать уроки. Лучше останусь дома.

Мама обиженно надула губы.

– Может, тогда хоть мы с тобой выберемся в люди? – Она взяла папу за руку и с надеждой взглянула на него. – Например, пообедаем в пабе.

Отец похлопал ее по руке и улыбнулся.

– Да, обед в пабе – отличная идея.

Мама вся засветилась от радости. Фредди вспомнил, как Красные Сапоги цеплялась за отца, его строгий вид, когда он тащил ее к дому, других женщин и девушек, посылавших ему томные взгляды или слишком долго задерживавших его за руку в своих. Пахнуло пивом. Пахнуло кислым запахом тайн и лжи.

Фредди понимающе кивнул отцу и с удовлетворением отметил, что тот вздрогнул.

20 февраля

Дженна застегнула молнию на чемодане и поставила его стоймя. Весит целую тонну: кисточки, расчески, палитра теней для век, бутылка лака для волос, флаконы с тоником и основой под макияж. Минимум одежды, остальное – косметика.

Одиннадцатый класс отправляется на пять дней в Севилю. Автобус до аэропорта отходит от школы без четверти шесть утра. Еще только пять; на небе сияют звезды и перламутровая луна. Дженна заглянула в мамину комнату, прислушалась к сонному дыханию. Не нужно ее будить. Мама как ребенок – с ней гораздо легче, когда она спит. Дженна сунула в рюкзак пакет злаковых батончиков, еще раз проверила, на месте ли паспорт, нанесла блеск для губ и тихо вышла из дома.

Бесс ждала на углу, сунув руки в рукава синей куртки с логотипом школы. Голые ноги в сумеречном свете казались голубовато-белыми. Рядом стоял потрепанный металлический чемодан. При виде Дженны Бесс широко зевнула.

– Доброе утро, – поздоровалась Дженна.

Бесс застонала и приподняла чемодан. Колесиков не было, поэтому приходилось тащить его в руках, и при каждом шаге он больно бил ее по икрам.

– Поездки за границу – полный отстой, – сказала она.

– Мы еще в автобус не сели.

– Вот именно.

– Ты предпочла бы идти в школу?

– Да. Честное слово, лучше бы в школу.

Дженна усмехнулась. Через несколько минут Бесс усядет-ся на заднее сиденье и будет радостно махать дальнобойщи-кам.

Автобус уже стоял у школы, деловито урча мотором. Рядом – толпа заспанных подростков.

– О господи, смотри! – ахнула Бесс, толкнув Дженну в бок.

К ним направлялся мистер Фицуильям с рюкзаком на плече, в темной куртке с капюшоном и джинсах.

– Всем *buenos dias*, – сказал он. – У жены сеньора Дельгадо преждевременные роды, а поскольку я – единственный из преподавателей, кто бегло говорит по-испански, меня вытащили из уютной постели, чтобы я сопровождал вас в Севилью. Не сомневаюсь, вы рады это слышать.

Бесс снова толкнула Дженну в бок. Та отмахнулась. Как и ожидалось, разочарованного гула не последовало: сеньора Дельгадо особо не любили, в то же время мистера Фицуильяма особо не ненавидели.

– Господи ты боже мой! – жарко прошептала Бесс на ухо Дженне. – Господи ты боже мой! Сейчас умру, честное слово. Вотпрямшас. О да, умираю...

– Тише ты, услышит.

– Ну и пусть. Обалдеть... просто нет слов.

– Только не вздумай к нему клеиться, – предостерегающе прошипела Дженна.

Бесс с ужасом воззрилась на подругу.

– Ты что, Джен! За кого ты меня принимаешь?

Дженна окинула взглядом поселок, озаренный мягким светом уличных фонарей. Утром мама проснется, вспомнит, что дочь уехала, встанет с теплой постели и, не позавтракав, примется лихорадочно прочесывать дом в поисках «этих» – неведомых и неуловимых преследователей. По неизвестной причине они ее выслеживают, запутывают, мучают: по ночам пробираются в дом, переставляют вещи, откручивают лампочки, сверлят крошечные отверстия в стенах, царапают иероглифы на всех поверхностях. Потом мама сядет за компьютер и тщательно запишет все изменения, случившиеся за ночь, а после зайдет в один из многочисленных чатов, где жертвы так называемого группового преследования делятся друг с другом «неопровержимыми доказательствами», укрепляясь в собственном безумии.

С тех пор как маме стало хуже, Дженна ни разу не уезжала из дома больше чем на одну ночь. Отец уговорил ее съездить в Севилью, оплатил поездку и пообещал, что будет навещать маму каждый день. «Отвлекись и ни о чем не думай», – сказал он. Вряд ли папа станет приезжать к маме ежедневно; из Уэстон-сюпер-мер до Мелвилла полтора часа езды, к тому же ему надо управляться с собственной скобяной лавкой и

присматривать за Итаном. Как бы там ни было, чемодан покоится в утробе автобуса, Дженна на заднем сиденье рядом с Бесс, поэтому уже не имеет смысла переживать.

Автобус тронулся, и вскоре Мелвилл превратился в мутное пятно на горизонте. Дженна позволила себе расслабиться и даже улыбнулась при мысли о пяти днях в душевном здравии. Она повернулась, чтобы поделиться своей радостью с Бесс, однако та с дебильным видом таранилась на затылок мистера Фицуильяма.

Впонедельник утром, едва проснувшись, Фредди сразу понял: что-то не так. Вчера поздно вечером звонил телефон, звучали голоса родителей, хлопнула дверца шкафа.

– Папе пришлось поехать в Испанию, – сказала мама, набирая воду в чайник. – Поездка с классом. У жены учителя испанского вчера вечером начались преждевременные роды. Срок всего тридцать недель – очень тревожный знак.

– Почему именно папа? Он слишком важная персона, чтобы ездить куда-то с учениками.

– Папа – единственный из преподавателей, кто говорит по-испански.

– Он же не говорит по-испански, – с сомнением пробормотал Фредди.

– Его знаний достаточно, чтобы хоть как-то объясниться. Фредди застонал. Отец в своем репертуаре: он обожает проводить свободное время с учениками. Якобы хочет узнать их получше, а на самом деле просто норовит втереться в доверие. Еще бы, он не мог упустить такую возможность.

– И когда вернется?

– В пятницу.

Фредди кивнул; любые изменения в привычном укладе выбивали из колеи, и его охватила смутная тревога. Фредди не нравилось, когда в ткани жизни появлялись дыры, сквозь

которые могла проникнуть неизвестность.

Он направился в школу длинной дорогой, специально чтобы пройти мимо клуба «Чики-дрики», купил бутылку минеральной воды и сел на скамейке напротив входа, высматривая Красные Сапоги. Джоуи, Джозефину, или как там ее зовут. Фредди устроил телефон на коленях, положил палец на кнопку «видео» и принялся ждать. В восемь сорок пять к остановке подъехал двести восемнадцатый автобус; двери с шипением открылись, и Сапоги едва ли не бегом поспешила к клубу – светлые волосы собраны в хвост, взгляд прикован к телефону. Девушка сунула телефон в рюкзак, подошла к двери, позвонила в звонок. Ей открыла высокая женщина с очень короткой стрижкой и связкой ключей на поясе.

Фредди еще раз посмотрел видео и приблизил лицо Джоуи, опухшее и покрытое пятнами. Кажется, она плакала. Возможно, это как-то связано с прошлым вечером и с его отцом.

– Привет, мама. – Джоуи вытащила из кармана тряпку и счистила зимнюю грязь, налипшую на могильной плите. Цветы, оставленные после Нового года, никуда не делись; к ним добавился еще один букетик – дешевенькие нарциссы от папы.

Джоуи и не подозревала, что папа часто здесь бывает. Он не склонен к широким жестам и бурным излияниям чувств. После маминой смерти отец замкнулся в себе и совершенно отстранился от детей. Они с мамой уже давно поговаривали о разводе, потому что не были счастливы вместе, но в день несчастного случая вели себя вполне мирно. Сперва поехали смотреть ремонт у Джека и Ребекки, потом Джек пригласил их в ресторан. Пили вино, мама с папой съели на двоих липкий сливочный пудинг... в общем, славно посидели. Джеку даже показалось, что они передумали разводиться. В тот же день мама пошла в магазин купить лотерейный билет; девяностолетний дед по имени Роджер Дэвис на «Форде Фиеста» не справился с управлением, выехал на тротуар и прижал ее к почтовому ящику. Через десять дней она умерла.

Папа почти не говорил о случившемся. Джек записал его к психотерапевту; он сходил всего на один сеанс, а через неделю после похорон вынес из дома все мамины вещи и сделал перестановку. Теперь и не догадаешься, что мама там жила.

А еще, к ужасу Джоуи и Джека, он завел подружку по имени Сью. Джек убежден – эта женщина появилась в папиной жизни задолго до маминой гибели. День, когда отец рассказал им про Сью, стал самым худшим днем для Джоуи; с тех пор они с Джеком его не видели.

Однако недорогой, но аккуратно положенный букет свидетельствует о том, что папа никуда не уехал и ничего не забыл. Джоуи представила, как он пришел сюда, поговорил с мамой, положил цветы на могилу. Возможно, даже плакал. Хочется верить, что плакал.

– С прошлого раза много всего случилось. Я нашла работу. Как обычно, дерьмовую, зато хоть какие-то деньги. Альфи по-прежнему в баре, но пытается найти заказы на оформление квартир. В общем, перебиваемся помаленьку. Только вот... – Джоуи огляделась по сторонам, словно опасаясь, что ее могут услышать. Хотя кому придет в голову бродить по кладбищу в понедельник утром? – Я совершила нечто ужасное. Не припомню поступка хуже, а я много всякого натворила. Не знаю, стоит ли тебе рассказывать; боюсь, ты от меня отречешься. Нет, даже вспоминать не хочу. Меня тошнит от одной мысли о том, что я наделала. – Она вздохнула, оглядела ногти, оторвала заусеницу. – Я-то думала, что наконец повзрослела, мама. Мне казалось, замужество и возвращение в Бристоль – это шаг к новой взрослой жизни. На самом же деле я деградирую. Только сейчас становится ясно: проблема во мне. Я не меняюсь, мама. Куда бы ни пошла, что бы ни

делала, я – это я: Джоуи-неудачница, Джоуи-обуза. Я тоскую по тебе: ты всегда принимала меня без прикрас. Больше никому я такая не нужна. Ладно, – Джоуи рывком поднялась на ноги, – что я о себе да о себе. В общем, все по-прежнему. Люблю тебя и скучаю. Скоро еще приду; надеюсь, к тому времени жизнь наладится. Пока, мамочка, сладких снов.

Альфи ворвался в спальню, заставив Джоуи вздрогнуть от неожиданности.

– Я нашел заказ на покраску!

– А?

– Представляешь, буквально только что. Соседка обратила внимание на мой комбинезон и спросила, не маляр ли я часом. Я ответил «да», и она предложила покрасить ей гостиную и кухню.

– Что за соседка?

– Сейчас... – Альфи вытащил из кармана визитку. – Никола Фицуильям, – прочел он. – Из желтого дома.

При упоминании фамилии Фицуильям Джоуи пробрала дрожь.

– Ты заходил к ней?

– Нет, мы разговаривали на улице.

– И что, она прямо вот так, с бухты-баряхты, попросила тебя покрасить стены?

– Ага! Круто, правда? Мы договорились, я зайду оценить объем работ.

– Ты собираешься к ней домой?

– Ну да, только в душ схожу. Хочешь со мной?

Джоуи залилась краской: она представила лицо Тома, когда он увидит ее у себя в коридоре. У нее перехватило дыхание.

– Нет.

– Ты чего? – удивленно спросил Альфи. – Я думал, ты обрадуешься.

Джоуи потеряла висок.

– Прости, голова разболелась. Тяжелый день, дети, сам понимаешь. – Ей хотелось вскочить со стула, крепко обнять своего высокого, красивого Альфи, сказать, что она ужасно рада за него, но страх пригвоздил ее к месту. – Я рада, Альф, честное слово. Замечательная новость.

Похоже, объяснение его удовлетворило.

– Наконец-то все налаживается! Скоро мы найдем себе жилье, а потом... – Улыбка мужа потускнела. Джоуи знала, что он имеет в виду.

Альфи направился в душ, на ходу стаскивая одежду и бросая ее на пол. Джоуи задержала взгляд на его крепких ягодицах. Если у женщины есть доступ к такой великолепной заднице, зачем ей другие мужчины? *Я замужем за самым классным парнем в Бристоле, с чего бы мне думать о Томе Фиццильяме? Что со мной не так?*

Перед мысленным взором Джоуи встало преисполненное смятения лицо Тома, отводящего от себя ее руки у выхода из

«Прялки». Он отчаянно искал слова, чтобы выразить шок и негодование: «Нет, не надо! Ты прекрасная девушка, просто красавица, но ты замужем, а я женат. Я бы ни за что... никогда... о господи!» Почему она вовремя не остановилась?

Строго говоря, Джоуи напала на Тома, и по-хорошему он вправе обратиться в полицию.

Но когда она положила руку ему между ног, он всем телом подался к ней, запрокинул голову, почувствовав ее ладонь на затылке. Их губы на краткий миг соприкоснулись, и Том застонал от наслаждения. Джоуи была пьяна, разум затуманен адреналином, гормонами и похотью, но она точно помнит: это действительно произошло. И только из-за этого мгновения, неуловимого, словно осенняя паутина, она не наложила на себя руки от позора.

Зашумела вода; дверь в ванную открылась и закрылась. На полу лежала одежда Альфи: заляпанный краской комбинезон, рваная футболка, старые трусы, скомканные носки. В зеркале отражалось стекло душевой кабины, за которым угадывались контуры обнаженного тела.

Джоуи замутило от чувства вины и отвращения к себе.

– Точно не хочешь пойти со мной? – поинтересовался Альфи, вытирая голову полотенцем. – Просто за компанию.

Джоуи стало ясно: он боится идти один в богатый дом и договариваться с манерной хозяйкой о работе.

– Я не твоя мама, – сухо ответила она. – Ты уже большой, чтобы тебя водили за ручку.

На лице Альфи мелькнула обида.

– Да, конечно, верно.

Он надел чистые джинсы и рубашку, взял с полки блокнот. Джоуи нашла карандаш, положила ему в карман рубашки, поправила воротник.

– Отлично выглядишь. Смотри, не продешеви. Люди в «Мелвиллских высотах» привыкли сорить деньгами, так что если не заломишь втридорога, тебя просто не поймут.

Альфи достал телефон, бегло пролистал фотографии маминой кухни и кабинета одной из ее соседок, который он только что покрасил.

– Нужна камера получше, – объявил он. – Фотки дерьмовые.

– Нормальные, – подбодрила его Джоуи. – Видно, что работа хорошая, чего же еще?

Дождавшись, когда Альфи уйдет, она вышла на лестничную площадку и выглянула в окно, из которого открывался вид на коттедж Фицуильямов. У тротуара стояла машина Тома; значит, он дома. При мысли о том, что Альфи и Том столкнутся лицом к лицу, Джоуи стало нехорошо.

Вдруг она заметила, что в кустах через дорогу кто-то сидит. Джоуи в испуге отшатнулась от окна, но потом все-таки выглянула, чтобы удостовериться, что ей не показалось. Да, там точно кто-то есть. Какая-то женщина сидит на корточках и смотрит на парадную дверь Тома Фицуильяма. В темноте сложно определить ее возраст. Светлые волосы, строй-

ная фигура. Незнакомка достала из сумочки мобильный телефон и сделала несколько снимков.

– Джек! – позвала Джоуи с лестницы. – Джек, ты здесь?

Через пару мгновений брат показался на нижней площадке.

– Чего тебе? – недовольно спросил он с набитым ртом.

– Посмотри, кто это там, за красной машиной.

Джек, нахмурившись, открыл входную дверь и вопросительно взглянул на Джоуи.

– Там кто-то прячется.

Он вздохнул и вышел на улицу, а Джоуи продолжала наблюдать в окно. При звуке шагов знакомка в кустах вздрогнула и забилась за автомобиль. Джоуи постучала в стекло. Женщина подняла голову, их взгляды встретились: ей около сорока, похожа на стареющую кинозвезду. Ее лицо показалось Джоуи знакомым.

– Никого нет, – пожал плечами Джек.

Хлопнула входная дверь. Женщина бросилась прочь.

– Ушла, – объявила Джоуи, спускаясь по лестнице. – Сбежала, как только тебя услышала. – Она уселась на нижнюю ступеньку, задумчиво подперла ладонями подбородок. – Блондинка средних лет, наблюдала за Альфи, фотографировала дом Тома Фицуильяма.

Джек зевнул и сел рядом.

– Кажется, я знаю, о ком ты говоришь. Эта женщина живет в поселке, она немного странная. Я как-то видел ее непода-

леку. Разглядывает прохожих, что-то пишет в блокноте. Наверное, у нее психическое расстройство.

– Интересно, что она тут делала, – протянула Джоуи, – и что ей нужно от Тома Фицуильяма.

– Ничего интересного. – Джек встал и с наслаждением потянулся. – Всем что-то нужно от Тома Фицуильяма.

Джоуи с удивлением взглянула на брата.

– В каком смысле?

– Ну, он один из этих парней, знаешь: «Женщины мечтают о нем. Мужчины мечтают стать такими, как он», – произнес Джек голосом диктора из рекламы американского блокбастера.

– Ты мечтаешь быть таким, как он?

– Вот еще, конечно, нет! Но я понимаю, почему у многих, если можно так выразиться, *неустойчивых* людей сносит крышу. Эдакий харизматичный красавец с проникновенным взглядом. Складывается впечатление, что он способен решить все твои проблемы. – Джек неторопливо направился на кухню. – Пойду доем. Хочешь чего-нибудь?

– Нет, спасибо. Побуду лучше у себя.

– Точно?

Джоуи кивнула и улыбнулась. Слова брата по-прежнему звучали у нее в голове.

Неустойчивые люди.

СТЕНОГРАММА ДОПРОСА,

ЧАСТЬ 1

Дата: 25/03/17

Место: полицейский участок Тринити-Роуд, Бристоль,
BS2 0HV

Допрос проводят офицеры полиции Сомерсета и Эйвона

ПОЛИЦИЯ: Пожалуйста, назовите ваше полное имя.

ДП: Дон Мишель Петтифер.

ПОЛИЦИЯ: Ваш полный адрес?

ДП: Бат-плейс, 21, Бристоль, BS11.

ПОЛИЦИЯ: Спасибо. Пожалуйста, повторите то, о чем рассказали нашему офицеру сегодня утром.

ДП: Хорошо. Только сперва я хочу подчеркнуть, что Джоуи Маллен – замечательная девушка. Я очень хорошо к ней отношусь. Она много работает, отлично ладит с детьми, ну и вообще, просто чудо.

ПОЛИЦИЯ: Спасибо, мисс Петтифер.

ДП: Может, это просто ерунда, знаете, ложный след... Пару недель назад мы с Джоуи после работы зашли в бар выпить пива, и она призналась, что влюбилась в Тома Фицуи-

льяма, и эта страсть сводит ее с ума.

ПОЛИЦИЯ: Именно так и сказала? Сводит с ума?

ДП: Да, так и сказала. А еще что буквально сгорает от желания.

ПОЛИЦИЯ: Ясно, спасибо. А вчера, на работе, как Джоуи себя вела?

ДП: Нервно.

ПОЛИЦИЯ: Нервно?

ДП: Да, нервно. Была явно не в своей тарелке. Когда она ушла, я беспокоилась за нее.

ПОЛИЦИЯ: Почему вы беспокоились?

ДП: Не знаю. Она выглядела напуганной и... взбудораженной.

ПОЛИЦИЯ: Мисс Петтифер, как по-вашему, Джоуи Маллен в таком «взбудораженном» состоянии способна на насилие?

ДП: Ну, знаете, при определенных обстоятельствах люди на многое способны. Мы каждый день читаем об этом в газетах. Так что да, пожалуй, способна.

20 февраля

Отель в Севилье – настоящая дыра. Понятно, что за триста тридцать фунтов не стоит на многое рассчитывать, но впятером в трехместном номере, где в угол втиснуты две раскладушки, а чемоданы пришлось выставить на балкон, – это уж слишком. В ванной воняет, простыни рваные и пахнут так, будто их кипятили в помоях. Бесс даже нашла за унитазом использованную прокладку.

– Хочу домой, – заявила она, обняв подушку. – Туда, где на полу лежит ковер, а в ванной чисто и нет использованных прокладок. Знаете что... если мы покажем мистеру Фицуильяму нашу комнату, он наверняка добьется, чтобы нам ее поменяли.

В дверь постучали. Лотти открыла, в дверном проеме оказалась компания ребят. Они наперебой заглядывали друг другу через плечо, горя желанием посмотреть, как устроились девчонки. Дженна, Бесс, Лотти, Тиана и Руби – самые популярные девушки в одиннадцатом классе: все как на подбор симпатичные и постоянно тусуют вместе.

– Вот хрень! Ваш номер – полный отстой, – заявил один из парней.

– Мы в курсе, – отозвалась Бесс. – А у вас как?

– У нас круто, даже есть что-то типа гостиной.

– Точно, настоящий люкс.

– Бог ты мой! – Бесс раздраженно развела руками. – Прикиньте, у них гребаный люкс, а у нас?.. – Она вскочила. – Я иду к мистеру Фицуильяму. Дженна, ты со мной?

Та кивнула, надела кроссовки, и они с Бесс решительно двинулись по темному коридору, в конце которого располагались номера для учителей.

Мистер Фицуильям открыл дверь, столь же бодрый и свежий, как и в пять тридцать утра.

– Приветствую, юные дамы. Чем могу помочь?

– Наша комната, сэ, совершенно нас не устраивает, – сказала Бесс. – Там невозможно находиться, честное слово. – Она нервно прикрывала рот руками, ее голос звучал еще более визгливо, чем обычно.

Мистер Фицуильям переступил с ноги на ногу, сложил руки на груди и пристально взглянул на Бесс.

– Что именно вас не устраивает?

– Нас пятеро, а кровати всего три, плюс две раскладушки, старые и драные. Повернуться негде, даже чемоданы пришлось выставить на балкон, сэ.

Мистер Фицуильям кивнул. К удивлению Дженны, он воспринял их жалобу всерьез.

– А Коннор Мейтс сказал, у них люкс с гостиной. Это нечестно, сэ, мы ведь одинаково заплатили за поездку.

– Давайте посмотрим на ваш номер. Показывайте дорогу.

Бесс торжествующе взглянула на Дженну. Та пожала пле-

чами.

Завидев мистера Фицуильяма, остальные девочки подобрались и приосанились.

– Ну что ж, юные дамы, – сказал он, оглядев комнату, – вынужден согласиться: это совершенно неприемлемо. Предоставьте дело мне. Я поговорю с администратором, попробуем подобрать вам другой номер. Скоро вернусь. – Он с улыбкой коснулся рукой виска, словно отдавая честь, и удалился.

Девочки несколько мгновений ошарашенно смотрели друг на друга и наконец нервно расхохотались.

– Бог ты мой, – простонала Лотти, – он такой клевый.

– Точно, – согласилась Тиана. – Любой другой препод велел бы нам заткнуться и не ныть.

– Во-во, – поддакнула Лотти.

– Отвалите все, – заявила Бесс. – Он мой.

– Ты чего? – удивилась Руби. – Он же старый.

– Не старый, а зрелый, – возразила Бесс. – Как вино. Или сыр. Я люблю его, честное слово, люблю.

– Ага, так и есть, – кивнула Дженна.

Полчаса спустя Дженна и Бесс переселились в отдельный номер с огромной двуспальной кроватью, диваном, видом на парк и ванной с двумя раковинами. Кроме того, администрация отеля прислала им в качестве извинения вазу с фруктами. Теперь девочки сидели с ногами на диване, смаковали сладкий испанский виноград и радовались неожиданной

удаче.

– У меня тост, – объявила Бесс, и они с Дженной чокнулись пластиковыми бутылками с водой, – за мистера Фицуильяма, бога среди людей.

Через полчаса им предстояло мероприятие, которое мистер Фипп назвал «Сэндвич и немного культуры». В расписании поездки говорилось, что они отправятся на площадь Испании, посетят местный рынок, где каждый сам купит и оплатит еду, общаясь только по-испански, а потом пойдут посмотреть мосты. Погода стояла хорошая; не так жарко, как летом, зато гораздо лучше, чем в Бристоле (пять градусов и дождь).

Дженна вытащила из чемодана косметику и разложила вокруг своей раковины. Лицо в зеркале казалось серым и усталым.

– Интересно, какая у него жена? – спросила Бесс из комнаты.

Дженна закатила глаза.

– Наверное, молодая, стройная и сексуальная.

– Ага, не иначе.

– С огромными сиськами. И они все время занимаются сексом, – продолжила Дженна, подкрашивая ресницы, – как порнозвезды.

– Ой, Джен, да хватит тебе!

Дженна оглядела свой обновленный образ, взяла блеск

для увеличения объема и аккуратно нанесла на губы.

– Ладно, я пошутила. Я видела его жену... Она совсем не такая.

– Молодая?

– Ну да, моложавая. Моложе, чем он. Вечно в трениках и бейсболке.

– Хм-м... – задумчиво протянула Бесс. – Так выглядят почти все женщины в Мелвилле.

У Дженны звякнул телефон. Сообщение от мамы.

«Ты передвигала мусорный бак утром? Он повернут не в ту сторону».

Дженна закрыла глаза. Она не трогала мусорный бак. В пять утра было еще темно, и она его просто не заметила.

«Да, передвинула».

«Зачем?»

«За ним сидела кошка».

«Какая кошка???»

О господи, теперь даже кошки участвуют в заговоре.

«Не знаю. Черная. Да не волнуйся ты так».

«Ты видела зловещий знак на масле? Похоже на свастику. Вот, полюбуйся».

Дженна невольно ссутулилась. Через секунду телефон снова звякнул: фотография масла в масленке. На бруске виден след от ножа; вчера вечером Дженна намазывала булочку. Ничего общего со свастикой.

«Я вчера ела булочку, намазала ее маслом».

«Ну ладно, – ответила мама. И через мгновение: – Напомни, когда ты возвращаешься».

«В пятницу утром».

«А где ты?»

«В Севилье».

«Хорошо. Я люблю тебя».

«И я тебя».

Дженна выключила телефон и застыла, не сводя взгляда с черного экрана. Раздался стук в дверь, Бесс открыла. На пороге стоял мистер Фицуильям, подтянутый и свежий, в темно-синей толстовке и плотных брюках.

– Ну, вы довольны, юные леди? – спросил он, оглядывая комнату.

– О да, – ответила Бесс. – Спасибо огромное, мистер Фицуильям, мы очень вам благодарны. Вы лучший!

– Приятно слышать, Бесс, но я просто делал свою работу. И весьма доволен результатом. Увидимся в лобби через... – он взглянул на часы – старомодные, со стальным ободком и красно-желтым тканевым ремешком, – ...шесть с половиной минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.